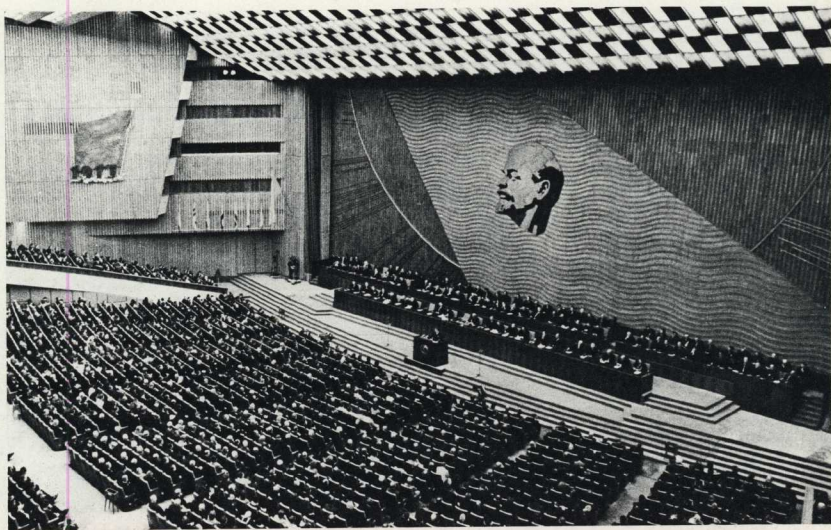

№ 23 ДЕКАБРЬ 1967

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

СМЕНА

«Советский народ, вступая во второе пятидесятилетие великой революции, высоко несет идеи коммунизма, идеи Великого Октября. Мы опираемся на достигнутые успехи социалистического строительства. Мы вооружены бессмертным учением марксизма-ленинизма, на нашей стороне правда жизни, наши силы неисчислимы».

Из Обращения ЦК КПСС, Президиума
Верховного Совета СССР, Совета Ми-
нистров СССР и советскому народу.

Пролетарии всех стран, соединитесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
и ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

Год издания сорок четвертый
Выходит два раза в месяц

ДЕКАБРЬ

23 [873]
1967

ПРАЗДНИК ПЛАНЕТЫ

— Остановись, мгновение, ты прекрасное!

Эти слова Гете полны глубокого философского смысла.

Сколько раз мы ловили себя на мысли, как бы остановить те прекрасные, восторженные мгновения, что восхитили всех нас в дни октябрьских торжеств! Душа, словно было желание вечно видеть в пестрых огнях фантастически иллюминированную Москву, и занявшую свое историческое место на свинцово-теплой Неве легендарную «Аврору», и величавую демонстрацию на Красной площади, и всемирный форум в Кремле.

Пройдут годы, пройдут десятилетия, а люди будущего с неизменным волнением будут рассматривать «остановленные мгновения» на фото-

и киноленте и будут слушать магнитофонные записи голоса маршала, праздновавшего 50-ю годовщину Великого Октября. Так же, как внимательно и изумленно рассматриваем мы старые снимки, сохранившие мгновения огневой бури Октября, так и историки будущего с изумлением будут изучать день за днем, час за часом ту счастливую пору, которую мы только что пережили с вами. И, конечно, в будущем, как и сегодня, предстанет во всей широте картина необычайного взлета трудовой энергии народа, картина изобилия открытий и свершений, предшествовавших 7 ноября 1967 года.

Память сохранит то удивительное мгновение, когда под Москвой вспыхнула гигантский факел,— пришел в столице из Средней Азии величайший в мире газопровод, и строители в озвонивание этого выдающегося успеха салютовали Родине вспыхнувшей газе. Я смотрел на бушевавший голубоватый огонь и думал о том, сложном и большом пути, который прошли молодые укладчики труб, думал о том, что 50 лет назад старая Россия занимала одно из самых последних мест в мире по разведке газа и его использованию в промышленности и в быту. А ныне! Целая река светлого газа льнется из глубин страны. По разведенным запасам, по протяженности магистральных газопроводов Советский Союз занял первое место в мире. И, может быть, пото-

му яростно пылавший газовый факел казался мне огромного значения символом, и свет его как бы озарял всю нашу преобразованную землю, все то великое, неразрушимое, что создал и 50-летию Советской власти наш народ-труженик, народ-герой.

Среди многих победных дел, приуроченных к полувековому юбилею Октября, ошеломляющее впечатление на людей планеты произвели научные достижения в исследовании звездного неба. Затянувшись дымом, все мы жили 18 октября 1967 года той заветной минуты, когда советская автоматическая станция «Венера-4» после четырехмесячного полета, пройдя путь около 350 миллионов километров, прибывает на далекую и загадочную планету. И вот автоматическая станция со второй космической скоростью вошла в атмосферу неведомой Венеры. Должен напомнить, что до тех пор ни один космический аппарат не входил со второй космической скоростью даже в хорошо известную ученым атмосферу Земли. После аэродинамического торможения автоматически сработала специальная парашютная система — и вот планетный спуск, и на грядущую Венеру лег вымпел с изображением Герба Союза Советских Социалистических Республик.

«Юверлирия точности», «Парадизный успех», «Подраваляем!», «Восхитительно!» — со всех концов Земли поступали в Москву восторженные поздравления и приветствия.

В эти дни и перед Землей, и на Неве, и в Кремле — повсюду была слышна — ступил история.

Вскоре поток их увеличился и стал восторженно грандиозным: 30 октября 1967 года, в канун всемирного праздника, советские ученые провели на орбите первую в мире автоматическую стыковку двух спутников. Я наблюдал на экране за фантастической картиной: впервые в истории космонавтики без непосредственного участия человека два беспилотных спутника «Космос-186» и «Космос-186а» приблизились друг к другу, сомкнулись — состыковались — и продолжили полет уже как единое целое. А затем по команде с Земли спутники, сначала медленно, как бы не желая расставаться, разъединились, и видно было на экране, как в космической бездне, на фоне лопавшейся в неизмеримой глубине нашей планеты, отошел, отшаркивался спутник и, набирая скорость, устремился в загадочную даль.

Победам в космосе соответствовали победы на Земле. От звездного океана до микромира пролегал фронт наступления человека на природу, и этот фронт прошел через старинный Серпухов, где вблизи Оки, в амных бережках средневековой равнины, создано уникальное научное сооружение. Гигантское кольцо, окружность которого равна полутора километрам, вделано в земляную насыпь. Исполни поражает воображение искусство, что знакомится с этим самым крупным на планете ускорителем. Отличные советские физики, штурмующие атомное ядро, обладают величайшим протоновым синхротроном на 70 миллиардов электрон-вольт.

В то же время близ Гатчины, под Ленинградом, вступил в строй гигант синхротрон. Два пучка протонов с энергией 750 миллионов электрон-вольт, ленинградский синхротрон превысил по энергии все су-

Военный парад на Красной площади перелистал гигантские страницы истории — в день Гражданской, пестревших бушлатами, оцветившихся штормами, освенных пелнажи революции...

...и себодильных дней. Армия Страны Советов готова защитить запованиа Октября.

ществующие в мире ускорители такого класса.

«Величайшее!», «Крупнейшее!», «Непревзойденное!» — подобными характеристиками отмечались многие подарики Родине и 50-летию Октября. Опилка величайшая на планете Красноярская доменная печь. Металлургический гигант как бы венчает успехи сталеваров и горновиков, убеждая мир в закономерности выплавки в СССР в 1947 году 100 миллионов тонн стали. А за Уралом, в глубины Сибири, на царственной Ангаре, предстал во всей своей красе и мощи «едворец» эллитричества — детское комсомола, Братская ГЭС. Отныне ей присвоено имя 50-летия Советской власти.

«Мы пишем историю железом и бетоном», — твердят гидроэлектрики. Сдав государственной комиссии крупнейшую в мире Братскую ГЭС мощностью более 4 миллионов киловатт, советские энергостроители тут же ошеломили специалистов всего мира пуском на Енисее двух колоссальных турбин на Красноярской ГЭС. Остановив могучей плотинной инстанцией Енисей, гидроэлектрики заставили его кануи 50-летия Великого Октября привести в движение рабочие колеса турбин, каждая из которых имеет не-

И, словно принимая эстафету славы нашего оружия, вышли на брусчатку Красной площади грозные ракеты

На улицах праздника наши друзья.

превышающую мощность — 508 тысяч киловатт.

Заводы-исполнители, новые машины и станки, поразительные научные открытия — таково положение победных рапортов, таков триумф социалистической системы. И подлинным гимном в честь трудового народа-героя прозвучало Постановление ЦИ КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР и ВЦСПС о награждении коллективов предприятий, организаций, совхозов и колхозов — победителей в социалистическом соревновании в честь 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции — Памятником знаменам трудовой славы. Перед глазами предстает картина «князьского богатства» — магнитогорского гиганта металлургии, стоющего среди заснежен-

ной тундры Норильского комбината имени А. П. Завенягина, Кировского завода, труженика и воина, колхоза «Россия» на Алтае, сталелитейного Сормовского завода — ветерана революции...

Да, в ореоле трудовой славы приходила Страна Советов и праздничным торжеством.

В Крестово открыли памятник вождю революции В. И. Ленину, а в Волгограде, на Маммаевом кургане, открыли величественный памятник герою — защитнику волжской твердыни. Прошли многочисленные международные конференции и симпозиумы, посвященные Октябрю и его влиянию на человечество. И тут я вновь вернулся к космическим делам. К 50-летию Великого Октября в нашей стране вступила в строй экспериментальная метеорологическая система «Ме-

теор», широко использующая космические метеорологические спутники. Я был в центре, где принимал сообщения спутника, и видел удивительные снимки Земли, переданные с борта «звездной обсерватории». Синоптики готовили прогноз погоды на 7 ноября и безошибочно предсказали великолепную, солнечную, безоблачную погоду в Москве на все дни праздников.

В то же время вступала в строй уникальная телевизионная космическая система «Орбита», охватывающая ныне всю страну. Над Москвой, возвысившись в небо огненной иглой, встала величайшая в мире Останкинская телевизионная башня. Ее сигналы принимает на орбите космический ретранслятор «Молния-1» и передает далеким наземным станциям. Я видел

Опалая площадь огнем знамен, девицу — колонна физкультурников.

в Сибири — то в тайге, то в тундре — огромные серебрястые диски — антенны приемных пунктов системы «Юрбета». Они казались как фантастическим зрелищем Земли и космоса. Но именно они, возникшие с поразительной быстротой, сприво по маяковому волшебного жезла, «маршанские» антенны, вовсе и не фантастика, а самая что ни на есть реальная реальность использования космоса в земных делах народа. Перенесут от Останкинской башни космическую сеть на Дальний Восток, в Сибирь и Среднюю Азию, связи неимоверно расширили трибуны Красной площади, сделали участниками праздничной демонстрации всю страну.

И страна увидела могучий военный парад. Миллионы людей в Приморье и на Таймыре, в Кузбассе и в Кирги-

зии, волнуясь и радуясь, вместе с москвичами смотрели, как прочались по Красной площади тачанки и, словно выйдя из давних исторических фильмов, прокатились зеленые броневники, гордо неся на своих стальных башнях выведенные белыми буквами старые и новые: «Большевик», «Ястреб», «Вся власть Советам!», «Лейтенант Шмидт».

Из радиостудии, что устроена в здании ГУМа, напротив Маяковского, и смотрел на ожизненную историю и чувствовал, как к горлу подкатывал горячий ком волнения. Виденным прошлого предстали все эти броневники, и тачанки, и вооруженные отряды ребочек. В черных кожаных куртках, с красными бантами на груди, в кожаных фуражках, в сапогах, с винтовками за плечами, они шли чеканной по-

ступью, сотрясая брусчатку. А за ними хлмнул стальной поток ракет, современных пушек, танков, и шли десантники в альп беретках, и шла морская пехота в черных бушлатах и черных беретках, шли пограничники в зеленых фуражках, шли юные барабанщики и суворовцы.

На скамью армян пришли демонстранты. Человеческое море, заполнившее до краев каменную чашу Красной площади, веселыми волнами выкатилось к Маяковскому, к Белоярскому трибунам, где собрались сыны и дочери народов всего мира. Еще никогда и нигде не предстало так полно и так ярко человечество, и никогда человечество не осознавало так, сущность новой всемирной истории, как здесь, на родине Октября.

Иностранцы гости, восхитенные

всем увиденным на Красной площади, отмечали силу и мощь военного парада, единство партии и нерушимую сплоченность партии и народа и радость праздника: спортсмены, рабочие и ученые в колоннах демонстрантов сверкали молодыми глазами. И когда и смотрел на это торжество молодой силы, на наше сегодня и на наше будущее, то вспоминал услышанные на международной встрече молодежи, посвященной 30-летию Великой Октябрьской социалистической революции, слова о том, что сегодня половина населения нашей страны составляет молодежь. СССР — самая молодая по возрасту населения держава в мире. Свыше 40 процентов всех занятых в народном хозяйстве — это молодые люди в возрасте до 30 лет. Мне приходилось бывать на вели-

чайших гидростроителей, на испытательных аэродромах, в цехах атомной и космической индустрии, на автомобильных полигонах, в мартовских цехах и на координационно-вычислительных центрах — и везде в явном монолите рабочих и ученых, летчиков и операторов. Значительное место занимает сейчас молодежь в самых современных отраслях производства и особенно среди профессий, требующих самой серьезной технической подготовки. Так, например, среди научных работников страны молодежь составляет около 45 процентов. И все это наглядно предстало перед всем миром на праздничной демонстрации в Москве.

Рабочие Красной Пресни и с завода Ильича, с Автозаводской и из Черемушек, как и все участники демонстрации, как все москвичи, ощущали планетарный, космический глобальный масштаб праздника. Это почувствовали везде и всюду, тем более что передачу с Красной площади вывели на всех континенты. К тому же международное значение Октября утверждали многие десятки иностранных гостей. Дух интернационализма, дух братских рабочих связей витал над Красной площадью, заполняя наши сердца. Все мы, находясь под сильнейшим впечатлением от доклада Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежневца на совместном торжественном заседании Центрального Комитета КПСС, Верховного Со-

вета Союза ССР, Верховного Совета РСФСР, вспоминали проникновенные, полные веры в будущее заключительные слова: «Знамя социализма, поднятое Октябрем, реет сегодня над миром как символ будущего всего человечества».

Коммунистическая партия Советского Союза, весь советский народ твердо уверены, что успехи первого пятидесятилетия Советского государства, успехи, достигнутые за это время всеми отрядами мирового революционного движения, — это пролог к еще более замечательному будущему и нашей страны, и народов других стран. Коммунизм — завтрашний день всего человечества!»

Вечером, после парада и демонстрации, на залитую огнями иллюминации Красную площадь хлынули бесчисленные людские потоки, и Красная площадь, набережные, мосты и проспекты превратились в гигантскую арену праздничного веселья, народного гулянья, хороводов и массовых танцев. А высоко в небе, на невидимом азвосте, в сиянии голубой радуги над Москвой портрет Ленина, и казалось, Ильич с доброй улыбкой смотрит на всех нас, радуется юбилейным торжествам и с высот московского неба глядит в туманную мглу Восточного моря, где по серебристой проекции рамы Неве готовился к повторному историческому выстрелу «Аврора».

В отличие от Москвы, где стояла

по-весеннему теплая и ясная погода, в Ленинграде шел дождь, и водная пыль над Невой сверкала огнями колыбельной иллюминации. В 21 час 45 минут первый комиссар крейсера революции Александр Викторович Бельский подал команду:

— Носовое, огонь!
Мы все были в ту минуту на борту «Авроры» — теваледенне перенесли нас на открытую ветрам и дождю палубу крейсера, и орудия, и все мы видели лица молодых зарывцов, принявших как огневую эстафету революции боевые традиции, опыт и готовность до последней кровинки сплутить Родине.

Страна Советов вступила во второе пятидесятилетие.

Но началось в озарении новых трудовых успехов и свершений, и советский народ день за днем решает важные задания пятилетнего плана, готовится достойно встретить 100-летие со дня рождения В. И. Ленина.

Дунами о Ленине, о Коммунистической партии Советского Союза были назначены участники торжественного митинга молодежи, на котором встретились послышки комсомолец всех союзных республик. В огромном Дворце съездов, где совсем недавно заседал форум деятелей рабочего и коммунистического движения мира, звучали веселые молодые голоса юности планеты. Юность земного шара пришла к советским комсомольцам, и я видел, как были эволюваны

всем увиденным на празднествах сынов Африки и Азии, Австралии, Америки и Европы. И как замер весь зал, когда зазвучала фонограмма речи В. И. Ленина «Что такое Советская власть!».

— Для Ленинского комсомола, всей нашей молодежи, — говорил, открывая торжественный митинг, первый секретарь ЦК ВЛКСМ С. П. Павлов, — самый высокой авторитет, самый яркий пример мудрости и самоотверженности — это авторитет, мудрость, и самоотверженность великого пролетарского вождя Владимира Ильича Ленина, нашей славы Коммунистической партии».

Сегодняшнюю молодежь, которая родилась и выросла в условиях победившего социализма, объединяют и ведут вперед те же идеалы, которые подымали на борьбу за счастье народа миллионы и миллионы бойцов революции.

Митингом на верность партии, Родине прозвучало принятое торжественным митингом письмо советской молодежи ЦК КПСС.

— Наша гордость за подвиги старших поколений — это и наша ответственность перед партией, Родиной и народом.

Вот голоса советской юности, вот будущее человечества. Революция победилась. Революция продолжается.

Евгений РЯБИЧИН

Радость на трибунах, в праздничных колоннах, слезы радости на лицах ветеранов.

Всесоюзный митинг комсомолацев и молодежи, посвященный 50-летию Великого Октября.

Фото
Н. АНАНЬЕВА,
Д. БАЛЬТЕРМАНЦА,
А. БОЧИНИНА,
Г. МАКАРОВА,
М. САВИНА,
В. САЙКА

«В одном строю со старшими товарищами идет молодое поколение коммунистов. Верные идеям коммунизма, они уверенно идут дорогой отцов.

Глубокая вера в победу нашего дела, беспредельная преданность интересам рабочего класса, народа, стойкость в борьбе — эти замечательные качества передаются от одного поколения коммунистов к другому,

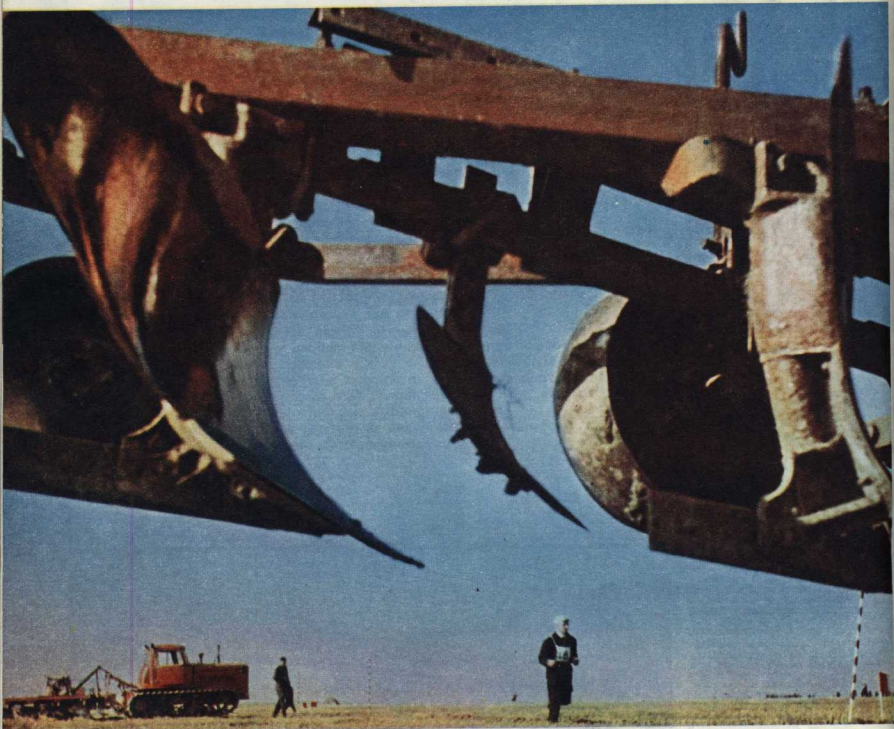
Из доклада товарища Л. Н. Бриснева
«Пятьдесят лет великих побед социализма».

«Партия учит нас любить Родину, беречь и охранять ее как зеницу ока. Веками будет священна наша любовь к родной земле, политой кровью и потом старших поколений, которые украсили и восславили ее своим вдохновенным трудом. Мы обещаем партии быть беззаветно преданными революционному наследию отцов, готовыми отдать жизнь за свободу и независимость социалистического Отечества».

Из «Письма советской молодежи Центральному Комитету Коммунистической партии Советского Союза».

ЗЕМЛЯ ПАХАРЯ • ШОФЕРСКАЯ ПР

Э. ЧЕРЕПАХОВА

**СЛАВА
РАБОЧИМ
РУКАМ**

Пониди и фрезеровщици — лекота рабочей газдыри.
Но чего греха таить — не эти профессии оведали сейчас юношескими грезами, не о них пишут в школьных сочинениях на тему «Кем я хочу быть», не с ними связывают мечты о «красивой жизни».

Момент быть, поэтому так настоятельно еще «требуются, требуются, требуются» токари, фрезеровщицы, разливщицы молока и молока заводчан.

Иные юноши убеждены, что им «образование не позволит» расплыть жизнь на столь несложное занятие. Однако есть кокая русская поговорка: «По мере мастера знатн...» Поглядев, програвли ли те, кто избрал себе судьбу рабочего, програвли ли они в полновесности жизни, остром ощущении ее, утратили ли на этой дороге перспективу, разнообразие бытия.

Октябрьским утром автобус, набитый мурластами, остановился у завода «Красный Октябрь». Держа готовые камеры, блокноты, магнитофоны,

пресса развернулась целью. Плотная толпа рабочих орудияла необычную группу молодых людей, которых приветствовал секретарь ЦК ВЛКСМ А. Х. Безруков.

47 юношей и одна девушка в рабочих рубашках и комбинезонах — почти все гости Москвы, приехавшие со всех концов страны, — собрались на конкурс токарей и фрезеровщиц, на соревнование в честь и славу труда.

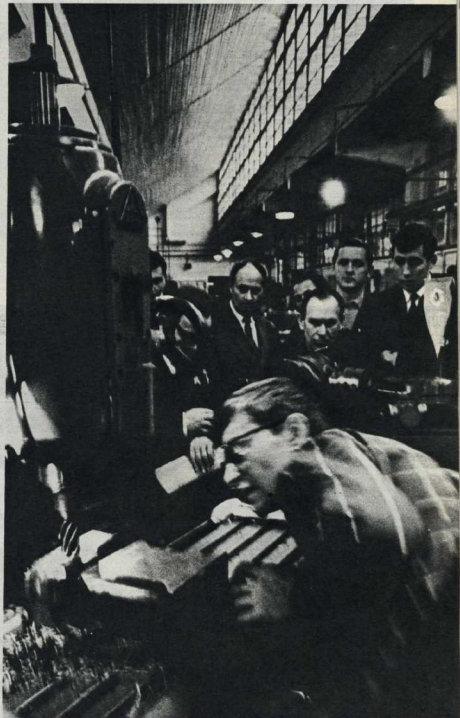
Боюг их столпи люди, одетые необычайно празднично и нарядно. Юноши в белоснежных рубашках и галстуках, девушки в изящных ярких нарядах. На груди их алели красные ленточки с четкой надписью: «куратор». Кураторы — местные инженеры, рабочие, члены комитета комсомола завода — уши и глаза жюри. Они стояли готовы с хронометрами в руках у станков соревнующихся, фиксировали, так сказать, надбавки соревнования. В записной книжке делали пометки об отточенных соревнующихся с тактичной безопасностью и со станиной, наконец, именно они отмечали время окончания работы и относили листо-

чек — анкету с девизом — в конверте вместе с деталью в ОТК. Это были важные люди для соревнования, и сами чувствуют это, молодые кураторы выполняли дело с необычайной сосредоточенностью и серьезностью.

Конкурс шел в два смены, интригу, таким образом, обычный рабочий день. На тумбочках у станков лежали в ожидании колесистой руки новенькие инструменты. Утром, ровно в 9 часов, были вскрыты болты комковаты с грифом «серийно». В этот весьма волнующий момент и оназалась нем дал рядом с обидливым токарем Тенгизом Понсадзе. Он осторожно вынул из комковата операционный чертеж, быстрым взглядом отдал его. Куратор Тенгиз — работник центральной заводской лаборатории Ира Гавворонская — тихо спрашивает, все ли ему ясно. Тенгиз немного обидается:

— Что ж, неграмотный? Что ж, победители всегда самолюбивы, а слод, на финиш Всесоюзного конкурса, собрались только победители в зональных соревнованиях. Есть среди них и парнишка с «Дальстроя» — из Владивостога, и девушка

ПРОФЕССИЯ • РАБОЧАЯ ГВАРДИЯ

из Тулы, и юноши из Саратова, Тамбова, Курмачи...

В микрофон объявлен старт, кураторы отводят своих подопечных на кристаллизатор. Настраивая вставки у станка, и тоторону прирешен издается видный номер. Включены хронометры. Началось! Кроме кураторов, у многих станков появляется еще какие-то праздничные ребята. Они дермают по-своему. Стоят у самого станка, и кураторы, нам ни странно, не реагируют на это. Вот и у рабочего места тульской фрезеровщицы Вали Даниловой внутри ограды, отделиющей соревнующихся от зрителей, стоит, кроме куратора, симпатичная женщина. Я подхожу к ней.

— Ох, вы как! Еще бы меня сюда не пустили! Кто я? Тамара Матроченкина, я на этом станке одиннадцать лет фрезерую, у меня на этом конкурсе льготы: могу и поближе постоять.

Она смотрит, как Вали перебирает инструменты: рейска, угольник, индикатор, — а из-за внешней стороны ограды болельщики кричат:

— Таман! Да слыши я насчет твоем!

Тамара косится на куратора — технолога Володю Комаратова и вздыхает; мелька подыскивает.

И так почти у каждого станка: рядом с соревнующимся стоит еще и его постоянный хозяин или молодой рабочий из другого цеха «Красного Октябрь», где он трудится точно у такого же станка.

Вот крепко сбитый, смуглый парень, черноволосый парень, Володя Журавлев. Ему 18 лет, он токарь-универсал. На завод пришел, как он выразился, «по совместительности» — стопами отца». Теперь и младший брат тут. Нельзя сказать, что Володя просто наблюдает за процессом. Он как будто примеривает к себе все, что скатывается цепной взгляд: зноможность движения, виртуозную спорность, скорость, поминутенную на точность.

Вот так, одновременно с официальным соревнованием шло другое, неофициальное. Соревновались с участниками конкурса и те, кто стоял вокруг них в качестве зрителей. И, как всякое соревнование, этот конкурс буил в молодых людей яркое желание прыгнуть выше обычной своей высо-

ты, будил гордость за внимание и делу их жизни. Это также идет в энтим конкурса на звание победителя в рабочем мастерстве.

По цеху проходит люди с Золотыми Знаками Героев Труда, члены жюри, известные в стране рабочие. Вот передолену от самого юного — ему 17 лет — участника конкурса Айдиса Алексаниса останавливает товарищ Воронежского элеваторного завода Герой Социалистического Труда А. А. Назаров.

— Что вы думаете о конкурсе? — спрашиваю я у него. Он задумчиво смотрит на Алексаниса.

— Думаю, что работа обманывает характер человека. Смотрите, как парень нервничает. Суетится... Паника на трудовом фронте, а! А некоторые говорят, что современные формы труда деобязчивают! Ну! Только отсутствием таланта и мастерства, она может обманывать работу, но никак не наоборот, поварята!

Вокруг нас стоит ребята из подшефного профтехучилища, слушаю, переглядываются... Один высовывается вперед:

— А чего вы на вашем заводе делаете?

Назаров объясняет, что на таком же «И-62» делает шестерни, цилиндры, вращающиеся детали для двух- и трехкубовых экскаваторов, землеройных машин, многотонных кранов.

— Без нас план не выполнишь, — говорит он, хлопая спрессованного парня по плечу. — Верно? Без нас ни саиолет не взлетит, ни канал в пустыне не прорыют.

Ребята он кажется, вероятно, не только знатными, но в чем-то уже усюпненными, достигшими, нам говорит-ся, вершинам, а он, идя к другим станкам и с интересом приглядываясь к молодым мастерам, и их поочеру и стидно, неожиданно говорит:

— Вот что меня зало недавно, знаете... У нас на заводе тоже конкурс был там, дел себя... Ну, стали за станком, кругом свои стоят — молчок, можно сказать, по 20 лет друг друга знаем. Азарт тот же, накал... Я дол! Думаю, нет, не уступлю никому. И представляю, одного я все же вперед пропущу... Своего брата реидого! Ну, чин, можно сказать, на свою голову.

Он весело смеется. Телери уже давно наладил станки. Телери все внимание чертму, машинке, глядя, покомил на стальной фигурный станочник. Фрезеровщик пододвиг над деревянками. Мельничок фляды халаты работников ОТК, время от времени появляющиеся в цехе «мастера цеха» останавливаются возле соревнующейся, на ручьяе или на груди которых эмблема пославшего их города и в фоне работот название «мастер — золотые руки».

Момент, останется — уз нас, ребята! Хорошо примем! Независимо от места в конкурсе.

Кураторы будут сердитые:

— Не перебивайте! Запрещенный прием!

Но сами, как патриоты своего завода, подмигивают соревнующимся. Профиранос и фрезерному станку под номером «3». Там работает Толя Тимофеев — москвич с «ЭМБ». У Толи пятый разряд, дело оно — это сразу видно — отлично знает. Но привлекает публику оно не только этим. Температурный, азартный, Толя время от времени фрезует взгляд на часы, и движения его рук становятся все быстрее и резче. Иллюзии, мерительные инструменты, фреза мелькают в его руках с юнгерской быстротой и легкостью. Он замкает зритель, и когда снимает горючую, блестящую детальку, чтобы показать, блеск — сияет заусениц, шероховатости, зритель кричат: «Ура!» и награждают аплодисментами человека, первым окончившего заданную работу. Он молот от пота, пишет свой девиз на вольных бумажках: «Соколов». Поля Толя смекает стружку, сдвигает и прихватывает станок, его муратор приносит «первую ласточку» в судейские ОТК. Контрольный мастер Сергей Ана-

тольевич Ветлов берет ее в руки и, бегом оглядев, подносит к ней сапунную искрами иглу элетрографа. Он пишет элетрометрией девят разбочего. То же будет потом и с другими деталями, но это первая.

Другие контролеры сейчас возмущают мураторов, штангциркуля, угломер, норовят с эталонами чистоты, и наконец Толлюо движение получают осценку, гармония будет проверена алеску. В «книжку участника» вносят все плюсы и минусы... Там и есть! Вот приносит известный Толя слова фразу под конец работы, а 5 баллов минус...

В это время сбегоют другие кураторы с деталями, сделанными прежде установленного времени. Элетрограф выводит «Радуга», «Космос». Все больше белых халатов выключается в работу.

Вторая смена в это время уже сдала «теорию» на втором этапе. Юрири собирает контрольные листочки с ответами на шесть вопросов по токарному или фрезерному делу. Сейчас новые участники соревнования поменяются с первой сменой.

И снова будут бевые «смертные» конверты, надуствие, сигнал «Включить моторы!». Снова неустанно болельщики омурат stanno и будут поддывать советы. Но этот раз болельщиков «заводит» Юля Усанов, фрезерщик из Саратова. Он так же, как Толя Тимофеев, работает в «торцевом стиле». Высочай парень, длиннорукий, тонкий в плече, о пластичный, он, наверное, неплохо выглядит и в баскетбольной команде и на танцах, но как же он красив в работе!

Это действительно «рабочая» кадр. Его любовь к профессии уже прове-

рена временем. Юрию 22 года. Он выучился на фрезеровщика до армии, вернулся на завод, вновь и тому, что оставил, хотя во время службы получил новую интересную специальность — стал радиотехником.

Волея Юля Усанова, исходя восхищением и заистью, стоял teljes, молодой член жюри, бывшнннн фрезеровщик Юрий Корытин. Корытину 25 лет, но имя его очень популярно. На нынешней выставке технического творчества молодежь, которая была отточена на ВДНХ, он получил золотую медаль как автор 11 оригинальных приспособлений к фрезерному станку. Ему ли не знать цены творчеству и мастерству фрезеровщика! Так вот этот человек, глядя, как работает Усанов, воскликнул:

— Эх, горел! Возраст у меня вышел! По условиям конкурса я участно должен был работать до 25 лет! Я бы с ним хотел тут потягаться!

Усанов сказал о конкурсе:

— Показал, что и в нашем деле есть «король», что фрезеровщик или токарь — это тоже «карьерка».

Да, это очень важный момент соревнования. Токарь — это карьера. Станочник — профессия переплетница. Конкурс стояло устроить, чтобы бы только для того, чтобы аргументировать это утверждение, чтобы оно исходило из уст молодого рабочего. Газеты уже сообщали имя самых первых, помещали их портреты. Но и мы не устали от перепалки этой приятной информации: фрезеровщик номер один — москвич Саша Котиков, а первое место среди токарей занял Василий Дударев с Иждановского завода танкового машиностроения. В Доме культуры «Красного Октябрьского» завода, ныне именован Ленинградского завода имени Свердло-

ва, лауреат Государственной премии Генрих Бортинов показывает победителям через плечо красную ленту, вручает призы «Хрустальную фрезку» и «Хрустальный резец».

Второе место среди фрезеровщиков занял саратовец Юрий Усанов, а третье — Станислав Гордочев с Ленинградской «Электросилы». У токаря на втором месте Рейн Ярвас с таллинской судостроительной, а на третьем — Станислав Федоров с «Дальзавода».

Они, как и другие участники финала, получили дипломы, памятные призы, поздравления. Приз нашего журнала — киноаппарат «Зрикс» — вручен одному из самых юных участников, Айдысду Алейнисуна, с манометром закладкой в будущее характер и мастерство, как это достойно настоящего рабочего.

Конкурс не только выявил творческий потенциал важнейших рабочих профессий, но только показал нам уровень мастерства, способности нового поколения рабочего класса. Думаю, это не случайность, что первые и вторые места получили ребята, именно окончившие ПТУ. Конкурс дал возможность еще раз убедиться в том, что профессиональная подготовка в училищах дает по-настоящему, капитально обученных работников. Между тем преподаватели подсобного профессионально-технического училища, присутствующие на конкурсе, рассказали, что и в ПТУ в прошлом году и в этом был набор. Да, конкурс не просто и не только парад.

Это оселок для новых идей и размышлений. Вот о чем думалось, когда мы шли и выходу вместе с участниками и болельщиками осенние огромные планшеты «Да здравствуют рабочие всего мира!».

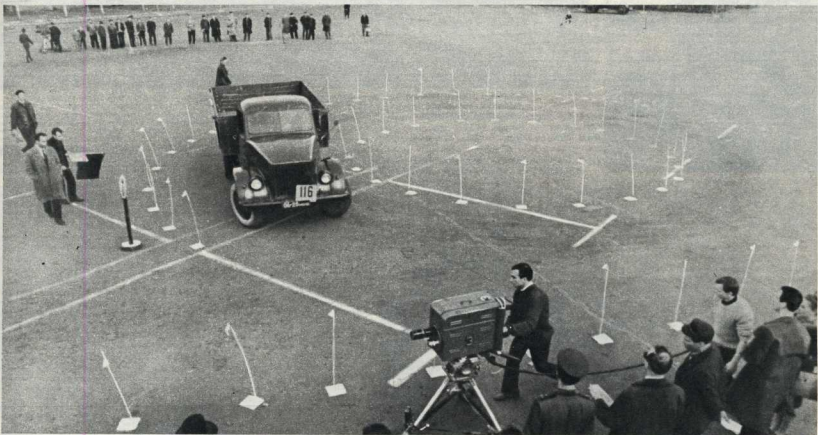
■ После старта. Придется поразмыслить...

■ Юра Усанов — ас-фрезеровщик из Саратова.

■ Жюри судит без скидок.

Шоферы соревнуются в мастерстве фигурного вождения.

Б. СМІРНОВ

БЕЗ ПОПРАВКИ НА МОЛОДОСТЬ

В словаре «конкурс» означает «столкновение, соревнование, имеющее целью выделить лучшего из числа его участников». После прошедших недавно Всесоюзных конкурсов молодых шоферов, трактористов, станочников определение словаря воспринимается по меньшей мере как неполное, ибо конкурс — это еще и выявление индивидуальности, и обмен опытом, и профессиональская дружба.

Конкурс шоферов, съехавшихся в Москву со всех концов страны, проходивший в один из первых дней работы Всесоюзного смотра технического творчества молодежи.

Ребята, которые столпились у старта, было от 20 до 25 лет. Вот первый из них залез в кабину специально оборудованного грузовика. Взмах судейского флага — и машина покатилась. В полиэтиленовых баках ровно 500 граммов бензина, и на этой дозе топлива нужно проехать как можно большее расстояние. Участнику № 1 хватило бензина только на два круга, следующий сделал пять кругов, третий прощипал почти на двести мет-

ров больше... Вроде бы одинаковые ребята садились в одну и ту же машину, одинаково работали рычагами, педалями — а ездили все по-разному.

Вероятно, первому было труднее, чем второму... может быть, от него в эти минуты отвернулась удача? Второе задание называлось «Смена колеса». Кажется, в шоферском деле нет операций проще. Но при этой намурающейся простоте у ребят проявился свой почерк. Москович Винтор Каретников нырнул под машину за доверителем с азартом футбольного вратаря, спойлобы работал шофер из Нермова Николай Ковалев, а ильинский водитель автобуса Бронислав Вилкас поразил всех ослепленной точностью движений. Почужих участником просто не могло быть, потому что, онаяваясь, даже гайки можно отвинчивать десятком разных способов...

Уже в этих двух заданиях было много спортивного — старты, финиш, щелканье секундometers, азарт честной борьбы. И зрители ахнули увидели в совершенно новом свете шоферскую профессию. На конкурс людей из них с убежденностью мог сва-

зать, что присутствовал при творческом процессе... Надо, онаяваясь, любить автомобиль, знать не только принцип действия, но и характер машины, что же до шоферов, то любой убежден, что машины без зорюра не бывают.

— Мне 22 года, приехал из-под Нермова, — рассказывал себе Николай Ковалев. — Работая на грузовике, на опытной сельхозстанции. Да, приходилось и экономить бензин и ильеса мента в тепле — минута дорогая, все спешит... Шоферская работа! Ирависта, конечно, и ездить приятно, и то, что все машина, дорба, горюизот в твоих руках. Это мой друг, Алесей Ралин — завтар наш, — вот кто знает всю машину, как петь пальцем. Он меня ездить учил и сейчас учит...

Второй день конкурса был посвящен соревнованию по фигурному вождению автомобиля. Каждый участник провел грузовик по лабиринту «кругов», «звездов», «мордорков», свергнув на ходу, как джигит, колысь с шестой стойки и, подобно эвилиристу, проводил машину двумя ильесами по узкой доске... Громкоговоритель комментировал шансы претен-

дентов на победу. И все, казалось, словно забыли, что в труднейшей воечной машине сидят не умудренные годами ветераны с мозолями на руках, истертыми рычагами и «баранками», а совсем еще молодые ребята. Опыт всегда приходит с годами, но в протоколах яридом с последованными датами рондирния работ побитый шофер 2-го класса, шофер 1-го класса... Возраст не помешал этим ребятам стать мастерами своего дела.

Мастерство — не только умение быстро и точно управлять машиной. Иногда в районных газетах, в «Пролетарии» встречаются фотографии брошенной где попало техники, неисправленных машин. Глядя на ребят, которые сядут за руль трактора в белых рубашках, в начищенных ботинках, нельзя было представить себе, что кто-то из них сможет когда-либо залезть в кабину пыльной, разбитой этой машины, который так доверчиво слушается его рук. Подобные допущения казались просто нелепыми.

Трудно сказать, насколько похожи между собой профессии шофера и тракториста. Конюры, молодые пахарей, состоявшийся через два дня, был

во многом похож на «шоферскую бабальню». Только вместо столбчатого асфальта здесь было огромное поле, оправленное в рамку желтеющих байрабинских лесов, вместо подвальных «газиков» — тяжелые тракторы, за слиянием которых неукротимым хондом острой стали бегали ножи плугов. А ребята те же. Те есть, конечно, так не смущались приметственных репей, одностра, так же заставляли с растерянными улыбками перед кинофотообъективами атакующего строя репортеров.

Валетала красная ранета, и из нее голоса заговорных моторов тракторов. Корреспонденты поспешно разбегались от грохочущих машин. Тракторы шли колонной, затем разбежались по участкам, и молодые лица в кабинах назвали теперь суровыми и неприступными. Это тоже было знамено по прошлому конюству. Сиромная, маленькая трактористка из Таджикистана Гольсара Куанданова уверенно орудовала рычагами — и вспоминалось, что так же преобразался за рулем самой молодой шофер Вали Козырев из Брниска. Когда трактористы начали пахоту, ровная и глубо-

кая, словно скальпелем по линейке прорезанная борозда ирордовского механлизатора Алексея Янина почему-то наловинила замасловатые фигуры традасы, которые четко нарисовал носеледи автомобиля водителю из Фрунзе Толе Самозин. И точно так же, как у шоферов, характеры трактористов отражались в качествах борозды, а разные профессиональные уровни и грани таланта — да, именно таланта — чувствовались в каждом движении и месте этих ребят.

Интервью, которые я пытался взять еще до старта, удалось закончить только часа через полтора, когда уже замолчали моторы. Судьи придиричиво разглядывали пахоту из каждого угла, а уставые трактористы, выйдя из кабин, вновь попали в кольцо зрителей.

— Да нет же, я не одна, у нас в Таджикистане много трактористок! — объяснила Гольсара. Она так и не смогла выйти из кабин: слишком много народу собралось вокруг. — Еще во время войны у нас появились женские бригады — помните почин Дарин Михайловны Гармаш?

Алексей Янин поправил на тракторе флаерку с номером II и табличку

«Челюбинская зона», похлопал своего «юношу» по плечу.

— Хорошая машина, приятно было работать. Я на тракторе кончу с 13 лет — был прицепником у отца. Силуу честно, у нас, в колхозе «Ударники», д на хорошем счету, а здесь насмотрелся на других и понял — можно работать еще лучше...

А для трех человек — ирордовского шофера Максима Пониратова, водителя гусеничного трактора литовца Юлиаса Назоневичуса и водителя первого лесного трактора эстонца Аарне Саара — конюры пригитовили призы победителей и почетные, неизвестные доселе звания «Лучший молодой шофер СССР» и «Лучший молодой тракторист СССР».

Очень важно то, что родилась новая традиция. Будет ребята связываться из разных мест, соревноваться, учиться друг у друга мастерству. Вспомнил: еще в 30-х годах ездили друг и другу добавские и кубовские шашкеры, делились планами сталева-рия, кузнецы. А результатом встреч были новые рекорды, отличные показатели и всеобщий прогресс, выростивший на благодатной почве взаимного опыта и профессиональной дружбы.

- Стартует конкурс трактористов.
- Первые борозды на осеннем поле.

На высшей ступени победителя — эстонский механизатор Аарне Саар.

Фото А. ЛЕХМУСА,
С. ПЕТРУХИНА

РОЛЬ КОМСОМОЛА В ВОСПИТАНИИ МОЛОДЕЖИ

Вместе с Советским государством, как один из исполнительных органов Советской власти, родилась полвека тому назад рабоче-крестьянская милиция — ровесница Октября.

40 лет назад в окрестностях Петрограда впервые появились вооруженные рабочие с красными повязками на рукавах — «рабочая милиция». С тех пор солдаты порядка брутально стоят на страже интересов советских людей, охраняя народное добро, нашу жизнь, покой, здоровье населения.

В канун юбилейного Дня советской милиции наш корреспондент встретился с министром охраны общественного порядка СССР генерал-полковником Н. А. Щелоковым.

«Смена от души подражает работникам милиции и обществу. Работа мужественных, бесстрашных людей всегда интересова моложежь, наших читателей. Расскажите, пожалуйста, Николай Анисимович, с какими итогами пришла советская милиция к 50-летию Великого Октября»

В дни празднования пятидесятилетия Октября мы узнали радостную новость: правительство наградило орденами и медалями большую группу наших товарищей. В этом мы видим признание заслуг органов охраны общественного порядка перед народом, государством, партией, оценку их деятельности. Это не первый и не последний результат борьбы за нового человека, политический огромный социальный преобразовательный процесс в нашем обществе, ростом благосостояния, культурного и сознательного уровня советских людей и, конечно, усиления органов, ведущих борьбу с преступностью.

Государство вооружило милицию всем необходимым для успешной работы. Первые красные милиционеры и милиционерши обладали опытом. Сейчас в распоряжении милиции автомобили различного назначения, мотоциклы, радиосвязь. В криминалистической лаборатории проводится сложнейшее исследование с помощью радиоактивных изотопов.

Но, конечно, самое главное — в чьи руки эта сложная техника, кто стоит на страже законов. Коммунистическая партия и Советское правительство постоянно заботится о том, чтобы в милиции работали люди квалифицированные, идейные. В 1920 году в Петрограде была открыта первая культурно-образовательная коммуна милиционеров. Теперь же специальные школы готовят офицеров милиции, хорошо знающих дело. Созданы также высшие учебные заведения, подготавливающие высокообразованных специалистов и научных работников для службы охраны порядка.

К работникам советской милиции предъявляются строгие требования: высокий уровень политической сознательности, строжайшее соблюдение социалистической законности, честность, справедливость, — в них воспитывается преданность народу, готовность всегда прийти на помощь.

Расскажите, пожалуйста, о том, как у советских людей воспитывается правосознание, потребность строго соблюдать правила социалистического общества и поддерживать общественный порядок»

Коммунистическая партия в борьбе с преступностью никогда не ставила во главу угла карательные меры. Все всегда исходило из главенствующей роли предупредительных мер, идеологической работы. Воспитание на революционных, боевых и трудовых традициях — вот оружие в борьбе с каждым преступником.

Поэтому в борьбе с преступностью внимание органов охраны общественного порядка направлено прежде всего на предупреждение преступлений. С этой целью проводится индивидуальная профилактическая работа с лицами, равнодушными и не занятыми общественно полезным трудом, с лицами, нарушающими общественный порядок, допускающими различные аморальные

поступки. Многие делаются по профилактике и предупреждению преступлений среди несовершеннолетних.

Разумеется, когда методы убеждения оказываются недостаточными и на поведение и инициативы, органы государства, ведущие борьбу с преступностью, применяют строгие меры принуждения, особенно к людям, совершающим такие преступления.

Как помогают комсомольцы работникам милиции?

Советская милиция опирается на помощь и поддержку всего народа. Нам помогают многочисленные отряды добровольных народных дружин, товарищеские суды, другие организации советской общественности. Особая роль принадлежит Ленинскому комсомолу. На протяжении всей истории существования комсомол активно участвовал в укреплении правопорядка. Комсомольцы составляли большинство в добровольных отрядах и группах помощи милиции в первые годы Советской власти, а затем в бригадах солидарности милиции. Сейчас 200 тысяч юношей и девушек насчитывается сейчас в оперативных комсомольских отрядах, действующих в составе народных дружин. В борьбе с преступностью комсомольцы создают специальную школу коммунистического воспитания, закаляются идейно и физически, проявляют мужество и героизм. Среди молодых подполковников милиции были отмечены высшим наградам Орденом Мужества. Имена многих из них знает страна.

В прошлом году погиб при задержании опасного преступника студент Тавского института радиоэлектроники и электронной техники Сергей Визвал. Указом Президиума Верховного Совета СССР комсомольце-дружинники были награждены орденом Красной Звезды.

Бойцы дружин дружинников из комсомольского отряда, которым руководит в городе Юноверском Родина Моисеевна.

Статистика показывает, что наибольшее число правонарушений приходится на долю рабочей молодежи. Изменение этой цифры к лучшему во многом зависит от того, насколько правильно составлена воспитательная работа с подростками на предприятиях. Это хорошо поняли в Калининграде. Здесь на 50 крупнейших промышленных предприятиях созданы комсомольские бригады, контролирующей их учебу в вечерних школах, следят за поведением в семье. Члены советов выносят в вопросы приема и увольнения молодых рабочих вопрос о соблюдении предостережений или льгот.

Эффективность деятельности новых общественных организаций уже сказывается. Число допущенных рабочими-подростками правонарушений снижается.

Какие задачи, по вашему мнению, стоят перед комсомолом в области охраны общественного порядка?

В последние годы все шире стали использоваться для перевоспитания подростков спортивно-трудовые и оборонно-спортивные лагеря, в создании которых самое активное участие принимают

место комсомольские организации и органы охраны общественного порядка.

О результате их деятельности можно судить хотя бы по опыту Ленинградцев.

В Ленинграде партийные общественные организации, органы охраны общественного порядка выявили проблему профилактики правонарушений среди несовершеннолетних. Люди доброй воли обнаружили в этом важнейшем вопросе недостаток, нужно иметь новые эффективные средства воспитания молодежи на производстве. И тогда обратились за помощью к комсомольцам высших учебных заведений. Комсомольцы организовали выезд «трудных ребят со студенческими комсомольскими отрядами на целину и на строительство железной дороги». Выезд состоялся из высших учебных заведений в пригородной зоне созданы спортивные клубы, организованы массовые и спортивные мероприятия, все лето провели в дружной обстановке. Многие ребята с помощью комсомольцев сумели замотивировать себя примером, привить им любовь к труду, уважение и нормам нашей жизни.

В лагерях комсомольцы совместно с работниками милиции провели анкетирование. Они выявили 166 подростков, нуждающихся в трудоустройстве. 123 из них уже трудоустроены, остальные устроены в профессионально-технические училища. Несколько человек попросили излорировать их от семьи, где родились вне себя аморально. 144 подростка остались жить в семье, в свободное время художественной самодеятельности. Все эти данные в виде возвращения ребят в город были переданы в райкомы партии, и почти все заработали трудные деньги. Комсомольцы предприняли ряд мероприятий в Ленинграде, чтобы снизить детскую преступность, отвлекать ребят от улиц, занимать их полезным делом.

Одним из основных условий, обеспечивающих успех борьбы с детской преступностью и воспитание подрастающего поколения, является правильная организация работы по месту жительства. Замечательный советский педагог Макаренко по этому поводу сказал так: «Идеи доброты и заботливости в работе с детьми. Помнить, что воспитательный процесс происходит на каждом квадратном метре земли».

Воспитательная работа с подростками по месту жительства должна проводиться в основном в двух основных направлениях: в учебной организации детей в школе, в установлении индивидуального шефства над подростками, склонными к совершению правонарушений. Главная задача — вернуть ребят повседневной работой, трудным занятием, помочь им рационально, с пользой для дела и вместе с тем с большим интересом проводить свой свободный досуг.

Мы должны организовать эту работу, чтобы каждый подросток, допускающий отклонения от норм общественного поведения, имел хорошего шефа, был бы время под правильным влиянием со стороны взрослых. Это должно стать нашим девизом, нашим правилом. К шефской работе следует привлечь самый широкий аспект коммунистов, комсомольцев, дружинников, штатных и внештатных сотрудников милиции, работников прокуратуры, суда, адвокатов, пенсионеров.

Мы также считаем, что за ребятами, которые взяты на учет детскими комитетами милиции, должны быть организовано обязательное шефство со стороны студентов педагогических вузов и техникумов. Мы должны организовать работу с этими студентами в их обязательную практику там, где они справляются с работой по переводу в высшие и средние педагогические учебные заведения. Мы должны организовать работу с подростками. Если эту огромную армию будущих педагогов и педагогов-техников мы сможем связать с детьми и подростками, они, безусловно, внесут большой вклад в дело искоренения правонарушений несовершеннолетних.

Интересные предложения вносит москвиче Николай Павлович Савельев. Он считает, что в каждом районе по инициативе РК ВЛКСМ должны быть созданы бригады доброты. Эти бригады должны быть шефскими. Штаб должен быть связан с советами микрорайонов или жилых, в свою очередь, с комсомольскими ячейками комсомольцев, проживающих в каждом доме или группе домов. Необходимо установить тесный контакт с комитетами новосмола шефствующей организации и школы. Несомненно, при хорошем подходе и поддержке школы, комсомольцев, объединенных с группами проживающих в доме комсомольцев, можно добиться хороших результатов.

Сейчас, наверное, нет ни одного отделения милиции, ни одного участкового уполномоченного, которые бы не строили многое в своих планах о расчистке дворов от детской преступности и правонарушений. Особенно в профилактической работе среди молодежи.

И это, пожалуй, одна из характерных черт сегодняшней работы органов охраны общественного порядка. Ведь юноши и девушки, привлеченные к этому благородному делу, и сами хотят быть настоящими, сознательными гражданами социалистической страны.

ИНТЕРЕСЫ ЛЮДЕЙ

Много выючных обозов провела Иван Филимонов по тропам вдоль Белой и Урика, а такого безобразного коня не встречал. Низенький, брыко отвисла, голова огромная и ухо надорванное. И этого коня пытались подосудить ему молодой начальник пертин Лазоревский.

— Монгола, — одним словом означил конягу Иван. — В тайгу не пойдет.

— Конек-голубок тоже незарядный быдло, — отовзвас Лазоревский и хохотнул по наивным сажалкам томосенской палочкой, именуемой стеком.

— Нам тут надо тащить, а не чудеса разводить, — упорствовала Иван, не сводя глаз со стека.

Начальник был ничего — беленький, узколицый и сибегалый. Новенькая игеревская спидодежда сидела на нем, как форма на офицере. Это все было в норме. Не одного молодого начальника перебрал Иван за свои тридцать лет. Собирались они все одинаково. Возвращались из тайги тоже на один манер — иссушенные солнцем и заботами, в клочья изорванные, в рабочих бахлях, пропитых проволочкой. Но у этого был стек — палочка с ремешком петляющей на конце. И стеком Лазоревский тыкала в морды аренавских лошадей. Будто рук у него не было.

— Я считал, что монгольские кони сильные и выносливые, — сказала Лазоревский, пытаясь распутать стеком гриву Монгола. — Татары на них Русь выгоняли.

— А в тайге он завалится, — упорствовала Иван. — Тут-ка придется оставить его.

— Я, конечно, могу сдать его назад, — сказала Лазоревский, и лицо его стало шире от взмывавших желавков. — Только в колхозе его наметки под убой. А мне жалко бедную лошадь.

— Что жалеть его, — откликнулся Иван, — на колбасу только и годен.

— Видите ли, — Лазоревский хлестнул по белой шее ладошкой стеком, — я вырос в семье, где любовь к животным была традицией. У нас в Москве сейчас пять конек, три собаки и обезьянка Том. И я не понимаю, как это вы ставите вочички.

— Ну что, я его на себе потом нести должен? — повисла голос Иван и сам опухнул, какой у него визгливый бабий голос. — Я вам говорю, надо от этой лошади-туту-ка к едреной матери отказаться.

— Я думаю, не лучше ли мне туту-ка к едреной матери от вочика такого отказаться, — заявила Лазоревский и пошла в конец обоза, который начал завываться.

Иван посмотрел-посмотрел на стройную фигуру начальника, плонул и стал обжигивать Монгола.

Ступень пошла злым и темным, как деготь, глазом и так прернула зубами, что ошпаривала пальцы на руке вочика. Иван ртнулся с досады, но делать было нечего — выючить так выючить. С таким начальством шутки плохи — это уж он знал. Захочет — и снимет. А где ты найдешь еще такую работу, чтоб и в тайге, и с лошадьми, и деньги хорошие?

— Наше дело мясников, — объяснил Иван Монголу, затрявывая подругу так, что конь пошатнулся. — Пусть потом начальство расхлебывает...

Монгола в ответ пытался снова отхватить пальцы на руке вочика. Но этот коренастый человек знал дело. Он накоротко привязал узу к столбу. И вороной товенько заржал, словно жеребенок, почуявший у горла холодную сталь ножа.

— Погоди плакать, — Иван насыпал из кула в кормушку коно шуршащий овес. Подумал и отпустил его струйку овса. — То ли тамо-ка, в тайге, булет...

Монгола переступил с ноги на ногу и уткнулся мордой в брезентовую кормушку. А Иван стал завывывать его. Укрепил жесткое выючное седло и начал приспособлять на скобки тяжелые экстадиционные ящики.

Монгола покосился на вочика и перестал жевать. Этот человек вломился Монголу чью крижового, с выгаты в лицо носом. Тот первый накинул на шею ему веревку, вырвав из родного табуна. Тот был его за то, что он не хотел снакать с садком. А потом другие были его за то, что он не желал ходить по их воле между двумя отлобями. Они заставляли его передаваться медленным, как и они. Но он так и не понял, зачем ходить тихо, если ему даже силы обгонять ветер. И его перестали мучить. Перетя-

Рисун В. СУХОМИЛОВА

ли с табуром больших лошадей сюда, к синим горам. И теперь человек, похожий на самого первого человека, что-то делает с ним такое, отчето он терзает легкостью. Скоро, должно быть, человек возьмет в руки палку.

— Не в этот день, Монгола не тронули. Дорога от деревушки Сини, где базирувалась партия, была хорошей до самых гор. Лошадей соединив в длинную связку и везя медленно, приучая к выночному обузу, Монгола поставил в самый ход, и он ткнулся всадом за старой кобылой Зорькой. Особою любовью пользовался. Только слышалось порой в голове, середине или хвосте богу:

— Давай, давай, милые!

— Не отставай, Звезда!

— Я тебе отвечаю!

А на succeedingий день дорога стала извращаться между колоцини слани, мощными соснами, скалами, ослыми и марши. Тут уж лошадей разбирали рабочие и телом.

Монгола взял за ушу сим начальник партии. Лазорский терпеливо вела воронку и даже не замечал, что он стем.

— А этот урод не понимает того, что было просто для остальных лошадей. Увидев крутой спуск или каменную россыпь, Монгол упирался и косяла глазами на погонщика. Обозу приходилось ждать, пока воронкой преодолеет какой-нибудь кусочек трассы. А у Монгола еще долго после таких переходов пробледала дрожь по тулам узлам махца.

Но дорога становилась все тернистее: отряд удалялся в Савны. Это уже была тропа, вивавшая по крутым скалам. И над обломом стоа, большой шух, поначалу гулялись и хвастали лошадей ветками. Далеко в тайгу успели добраться только:

— Куда лезешь, скотина ты безрогая!

— Тпру, Звезда!

— На вот тебе, вы, савны травер!

Иван не прислушивался особенно к этим словам. Привык. Он знал, что вперед их ждут такие подъемы, спуски и переправы, что некоторые охрипнут. Он не кричал на свою Зорьку, а спокойно потюкнул. Иван предлагал ей самой разбираться в тропе. Он, правда, часто обворачивался. Но смотрел больше отстоявшего начальника с Монголсом, чем на свою кобылу. Лазорский кося сохранял спокойствие. Только крупные жевальки не уходили больше с его лица да стек все вернее держал в его руке. Иван отпущал взгляд на неуверенные короткие ноги Монгола и хмурился: вот-вот должно было случиться беда. И в середине третьего дня его безжалостно отсырдало.

Монгол стукнулся выломом о ствол кривой сосны и развернулся поперек тропы.

— Как ты смеял!?!— Лазорский повис на уздечке, а стем замолчал стоа Монгол.

Аз ты смеялся. Выпярился звок кобылы снова сосны — с нее полетели иголки, кора и сучки. Кобы не выдержал равновесия и рухнула под откос. Лазорский опять свелветился за дерево, но руга его чуть не вылетела с савны вкляса, за уздай. Монгол полетел по склону, терая высланные ишки, подминала кусты багуньянка и кашканы. Треск несся по тайге, как от каменной лавины. И уже становалось немного до обрыва, когда трехстволная береза упротю остановила беспомощного кося.

Первым к Монголу оббежал Иван. За ним прыгал Лазорский. Начальник с кося подедал коня своим голосом. А потом хлестнул его по морде стемкой и стек разлетелся на части.

— Гадина!— Лазорский подыма стукующую палку и взмахнул ею.— Симулянт!

— Где коня вивался вкляса.

Иван подставил руку под занесенную палку и завязжал своим быбам голосом:

— Ледяного-то зачем быеш?

Лазорский отступил, подыкая капровую шалпу на взбешенные глаза. А Иван опустил на колени и опнул подвизающийся ноги Монгола. Не найдя переломов, отпустил подпуть и вывел его на тропу.

— Придется глять его назад,— сказал Лазорский, растира правую руку.— Раз не понимаем хорошего обхождения, значит, не животное, а скотина.

— Да разве это хорошее обхождение!— спросил Иван, полагивая морду Монгола.— Хорошее обхождение, когда ты коня понимаешь, а он тебя...

— Дресировый или заштыривать некогда,— сказал Лазорский резким, как ударом, голосом.— И отпусти еще и о лохад думать. Если мы не уложимся в график, вам не видать премияльных...

— А если груз на других лошадей завяжым, думаете, уложимся!— возразил Иван.

И ве жоало больше возмется с этим симулянт!— объявил Лазорский.— Вы вончик, вы и репейте.

— Кобы не пропащияй,— отвила Иван, смывая в руке свою дырявую кепку.— Торопить только сразу не надо... Вы идите, а мы вас до Чертовых Ворот виваем.

Монгола понорю стога на тропе. Малое таскелье мужики, комары и оводы обменяли уздай его глаз. Иван смихнул их келькой и попытался остановить надорванное ухо Монгола.

К вечеру Монгол, сплотившись шел на длинном поводу у маленького человека. Тот не торопил похуже вавиме. Повод натягивался лавш в редких случаях, перед ругьем или каменной россыпью.

— Пошли, вороний, пошли,— уговаривал Иван и прижимал, точно маленькому ребенку.— Тут-ка густеку... У Чертовых Ворот хуже будет, если мы не спадет к тому времени.

Ночь засталась. Иван ночевать, не доходя до табора. Он развощил Монгола, стревя его и стал собирать сушких на кестер. А для Монгола пока была самым добрым временем. Даже спускаясь, он далеко уходил от табора и гавничивал в зарослях до утра покрутывая сочной травой.

Но в этот раз вороний отстрел. Он глядел на пламя, как зажег, и павет вода в котелке, как человек бросает в воду кусочки черной палки, а из котла выпрывает душный аромат.

Первый раз Монгол отстал с человеком, хотя темная ночь звала его мятным запахом горных трав.

— Ну, айда настали!— Иван подтокал Монгола в темноту. Вороний не пошел.

— Кости болит, а? Или ко мне приспособился?— Иван разрезал буханку и начал да кусок откусывать. Ну, смотри, как тай паша буда. Он отщепил чай из черниного котелка и скривился как бы ели слышном кругу.

— Вертеть, так сразу надо было.— Иван слышал, как изменился его томос. Он был похож на воронье руге глыбоку в кашке.— А теперь котелок и три вкляса от него пропало. Да сжевало. Какая бы ни была жевалька, а жало...— Иван кашлянул в кулак, подыкая над котром и замакая руками.— Я люблю тебе, начальничек, видел солтени. Пять копек, собаки да обещания... Это что? Нахлебнички. А конь — работать... Высл его, так буда муть, ухаживай!

Монгол восторожился. Маленький человек повисил кося. Не на него ли? Не ударит ли он его удар? И Вороний отпрянул в сторону. Но Иван не мог подыскать больше слов и снова пошел к котелку. И морда коня вновь нависла из темноты над котром. Иван слушу ему в мяжке губы кучка мяса и некое похвощивание.

— Не жужа, ушка бы от тебя, начальник, к едреной матери... Эк, девятик, париль, нушки поваре. Матери до отстремитировать надо! Надо, Живе некуда спарить зимнее — сколько в стром ходить можно! А Митяке форса мужики: в первый кляс пойдут. И на Савны тудит все — тоже и валежки купи и шубейку... В общем, девятка вот как нушки! И премияльные тоже не помешали бы... Запасец у меня, париль, есть, да тамо-ка, ломо-то, раскода на каждом шагу. Особенно матери надо помочь...— Монгол глядел на большой медведь под гребней росы. Шел вклясухтисе, в гряде медленно гася искры, уши чуть поповивавались. Но зряшкловатую музыку слов, треск котла и клекот воды в Уриксе ему представлялась родная рьяная степь и косматое солнце над шео.

До Чертовых Ворот надо успеть дожить обозо,— заключила Иван своей разговор и вкляса за котелок.— Иначе париль, плахо дело.

Но прижимали уши к обозу только у самых Чертовых Ворот. И по старым голошакам котром было видно, что отряд простола стал не меньше суток, ожидая отсташив. Лазорский, прямой, слома стоаб телеграфный, морда котом берет. Пысливая кость была истощена его обшариванным салотям. Урки бурная, порхотаящая вузавым.

— С такими темпами мы премно потеем как двады два,— такими словами он встретил старшего возжика.— Я не могу жертвовать интересами людей ради скотины.

— Таскелуй!— таскелуй, — сказала Иван, перематывая поводом свою темную руку, — и переждать болмудую воду... Во все смыслах и интересах.

— Как хочешь, — отозвался Лазорский и скрестил руки на груди.— Этого я буду вынужден лишить тебе премия персонально...

Пять минут вкляса Иван поспешно удалялся. Он медленно размотал повод и дернул его. Монгол поспешно двинулся к воде.

— На смерть коня пошла,— сказал Иван, заброра по колено в стремительную воду.

Иван смотрел в мелепаше, завихрившие струи, не смее скосить глаза на угрюмый захлебывающийся порог.

Иван хотел объехать тут-ка — и без риска переправился.— Он повернул к начальнику лицо и вкляса просламо удалялся. А чертвей...

— Гоним!— приказал Лазорский, выкатывая стекляшки глаз.— Без груза перепалеть. А если что, здесь легче всего спастись этого крокодила.

Иван опустил голову, незряче обмотал повод вокруг шеи Монгола и подставлял его по морде, поворачивая против течения.

Монгол только поспешал азбуку горных переходов. Но самое главное он уже знал: маленькому широколому человеку можно довериться. И, направившись с берега речки Ивану, под крики людей и ржание лошадей он пошел против течения. Но на середине реки Монгол поддался воде.

Былся развуха его струя и вкляса на габуньи. И вороний подался. Одно его ухо стоало торчком, а другое шило к воде. К берегу вороний поддался втеме, чем к порог.

Порог прожужавил воду зубатой своей пастью. И вот уже глаз коня вкляса вкляса, а вокруг котелок клекочет вода.

Монгол не знает, что это сванность. У него есть еще силы выплыть к берегу, если морду повернуть против течения. Но как отоварив вызда от этой каменной постере вкляса?

— Куда же тебя, ветхик!

— Иван зябел в воду так, что липш раструбы резиновых салот торчали, смытые течением.

— Не глядя на камни, кому говори!

И удар от залопа салот сива их под водой в шалпу на берег.

Куда ты вспрыгнул Лазорский хлестким голосом.— Буземте! Стой!

Но Иван ривнулся в воду и поплыл к Монголу. Ледяников вода не становилась его. Может, это было безумие. Но Иван не разбирался в этом. Он отбрасывал от себя мысли и слезы. И слышал вкляса от себя слово:

— Иван! Иван! подкуть к воронему сильной водозорет. Иван пойма скокую уздай и ривнуа коня против течения. Монгол высоко выметнулся из воды. Было видно, как мощно работало его лопатки.

— Иван! Иван! — он пытался поймать свою траву, но руга соскользнула с черной блестящей спины. Иван хлестнул воду и скривился в бурю.

— У-у-у-у... — неслось от порога.

Но Иван выплыл. И он увидел, что вороний как будто бы дождивается. Черный хлестк вкляса в стремление. Иван ривнулся к хвосту из по-следних сил и ухватившись за жесткий повод, вылез на берег.

— Давай,— вытормошил Иван слово человеку,— к берегу!

И Монгол поплыл к берегу рогно и спиру. В лицо Ивану хлестала вода. Но вода уже не могла отворить его от аспана.

Иван устал. Он не слышал больше котельного жужжания галька. Он устал на телуду эту гальку, хватав уздай перекоженным шхом.

Потом он отпустил коня, но Монгол не отошел от ледящего человека. Он повернулся к тому берегу, где оцененная вода и заржала, перебивая неустойчивый прохот рогны.

1917-1967

Фото А. ШАЙКЕТА

Момент смычки северного и южного участков строительства Турксиба.

Первый поезд проходит мост через реку Чу.

Из дальних аулов съезжались казахи взглянуть на железную дорогу.

Томьень — Тоболык, Вейнуь — Кулград, Шушь — Шалтырь, Гурьев — Астрахань. Это география сегодняшних строек стальных магистралей, это новые важные артерии нашей страны.

Сорок лет назад на карте железных дорог был лишь один адрес новостроек — Турксиб. За сорок лет по этой дороге перевезены горы металла, мела, хлопка, выросли вдоль путей новые города — Аягуз, Чу, Джамбул, Талды-Курган, наравне с составом управляют теперь централизованные диспетчерские. И все равно даже сейчас при слове «Турксиб» каждый вспоминает ставшие давними счастливые годы, первые годы первой пятилетки.

В мае 1930 года журнал «Смена» сообщил своим читателям:

25 апреля 1930 года на станции Аманбулак произошла смычка северного и южного участков Турксиба, одного из гигантов нового социалистического строительства СССР. Регулярное движение по Турксибу оторывалось 15 мая. Основные работы по строительству Турксиба начались в 1927 году. Сроком постройки был установлен пятилетний. Потом этот срок был сокращен правительством на 1 год и приторочен к концу 1931 года. Однако благодаря высокому трудовому энтузиазму всего коллектива работников Турксиба строительство закончилось на год раньше срока, намеченного по последнему, утвержденному правительством плану. Протяжение Турксиба — 1 442 километра. Стоимость строительства была определена в 203 миллиона 707 тысяч рублей. Однако эта стоимость была снижена до 175 миллионов рублей.

Казахстан до края переполнен драгоценными каздами. Гордость его, величайшее богатство — цветные металлы: медь, цинк, свинец. Недалек этот край провалов страной цветного металла. Только теперь, когда перевернет Казахстан стальная линия Турксиба, оживут безлюдные, тихие степи.

Трудно было строить эту дорогу. Ветер срывал песок с железнодорожных насыпей, а в другом месте засыпал им рельсы, канавы, карьеры. Ураганные дивьи сывалы попутно не желая пользоваться привычными канавами, которые доверху были биты, наубавив периметры, оле, хлеб и воду приходилось везти за десятки километров. Вода становилась горьчей, пока ее довозили, но и она казалась мелкой в этой стране раскаленного солнца. Несмотря на это, дорога росла по три километра в день.

Прочно ляжет по казахской степи новая железная дорога, и не утанят будет безлюдной и мертвой страны. Прошло сорок лет. Железная дорога прочно легла в казахскую степь, и так же прочно легла в историю легенда о Турксибе — трассе народного подвига.

Александр КУХНО

Телеграммы

Я стучал в замерзшие рамы,
я избегал по крутым этаким
и дверям громыхал,
я носил телеграммы:
находил адреса
и снова бежал...

Меня у дверей встречали чьи-то дети и жены.
Взглядывали тревожно матеря фронтовиков.
За каждым движеньем следил

ребенок, настороженно...
Как будто я в чем-то повинен
и мне одному — легко!

Люди, недосыпавшие и доспта не евшие,
люди, не осудите,

если какой-то шкет
носит неподобные вести и говорит надоевшее,
осточертевшее:

— Здравствуйте...
распшистите...
на корешке...

Помню, открыл однажды —
в белой исподней рубаше,
на костыльях,

изувеченный,
с нервным лицом — солдат.
— К черту! — взревел он зрелостно,
и я отшатнулся в страхе...

К черту твои телеграммы! Я прибыл два дня
назад!

И никакой расписки,
Что же это такое!..

— Дяденька, не выношат я!
Как же я дальше пойду!..
Дяденька, расписитесь!

Собственную руко...
Я ведь иду, не зная, что принесу беду.

Лучше бы заблудиться
или не достучаться.

В здании телеграфа ждут меня дотелема.

Скажет:
— Давай расписку.— тетя Поля, начальство.

Скажет:
— Напрасно доверила
дело тебе

Помню еще другое...
Ласковая, как мама,
женщина,

получавшая множество телеграмм:

— Ты подожди меня, мальчик,
я тебе что-то дам...
Через минуту вернусь.

— Ты сегодня доставил...
очень горькую вест...

Но все равно возьми-ка...
В руке моей булочка,
добная.

Мягкая,
белая булочка,
которую можно състь.
Люди, недосыпавшие
и доспта не евшие.

люди мои советские,
в трудное время войны
столько перетерпевшие,
смерти в глаза смотревшие,

если бывали вы грубыми —
нет в том вашей вины.

Выдел — дружить умели,
знал, что крепко любил.

Весело было — смеялись,
выплакавшись сперва...

Нежными тоже бывали...
Чаще суровыми были
и берегла, как патроны,

знаю, солдаты мира,
вы залечили раны.

Знаю,
в самых сильных нежность поет в крови...
Я проношу по городу
радостные телеграммы,

в лица ваши заглядываю,
вашей утас любив.

Аленушка

Вместо слов немотающих,
заштампованных давно,
подойду,
а почтовый щик
брошу камушек на дно.

...Аленушка, Аленушка,
не лубушка, не женушка,
скажи, в какой сторонку
горюешь ты, Аленушка!
За какой колодиной
в первейтой траушке
ягодной-смородинойки
стинуя твоя Иванушка!

Ходят-бродят почтапоинки
в закопдованном лесу,
по следам моей Аленки
синий камушек несут.
Голубые япочки
горят на синем камушке.
По ним, как по тропинчке,
пойдешь-придешь и Иванушке.

Ступай по ним, Аленушка,
от солнышка до солнышка,
от месяца до месяца —
тебе Иваню встретится.
Тебе Иваню встретится —
все пеняшки засветятся,
и пред тобой, заступница,
тебяный лес расступится...

Береги тот чудо-камень,
я не зря его тесал:
под горяччии руками
бынсю сназочное пламя —
цельный день лисьмо писал.

Когда с душой не все в порядке,
во мне особый интерес
рождають тонные тетради
почти безвестных поэтсс.

О женщинах,
они и в слое
живут, играя и греша.
И песня — верная в основе,
а чем-то все же нехороша.

За строчкой строчку пробегая,
все же жду, не подвожу итог,
я верю: женщина другая
среди лукавых глннет строк.

И точно,
Вот она, строга!
Одна строга...
Она строга.

Она задела за живое
и, все собою заспоия,
решительно,
как под коновом,
на пытку вывели меня.

Смотри, сказала, пусть одна —
я не тобою рождена,
но ты к моему причастен боли...
Так что же тебя смутило вдруг!
И эхо дальнее, не бое,
всех материнских бед и мук,
восторгов женских,
грез девичьих
и чувств возвышенных,
таких,
что все Петрички и да Винчи
лишь крешком коснулись их...

Все немужское, все другое.
Строка...

Попробуй отважиться,
когда, быть может, в бабьем горе
и наша боль и наша жизнь...

Спасибо, женщины, спасибо
за то, что правда чувства есть
в словах, которых не смогли бы
за вас мужичины произнести!..

Река молчания

Я все забыл...
Но времена
я помню тот далекий час,
когда впервые между нами
река молчания проплыла.

Безумством, радостью,
отчаянием —
как хочешь это назвать.
Она тепла — река молчания —
признание первой любви.

Слова неверные, случайные,
обиды тяжкие не раз
топили в ней.

Река молчания
текла, не разделяя нас.

Вот и сейчас
ни слов признания,
и примирения нет сейчас...
Но вновь и вновь

река молчания
течет, соединяя нас.

Как будто нет над ней ни облака,
ни холодица, ни ветерка...
И ты идешь со мною об руку.
Течет молчанья река.

ИССЛЕДОВАТЕЛИ

РАССКАЗ

Рисунок В. КАРАСЕВА

домой слабый румянец загар.

тоял теплый день, даже слишком теплый для этого времени года, и на поверхности озера в парке кружили десятки дава прогудных лодок. Свежевыкрашенные скамейки были вытасканы на асфальтированную площадку между лодочной станции и водон. Люди сидели на этих скамейках, читая газеты или просто закрыв глаза и подставив лица солнцу, чтобы потом гордо принести домой слабый румянец загар. Погода была такая, что, случись она в воскресенье, газеты непременно сообщили бы, что Число гуляющих в парках побило все рекорды. Но на этот раз, в обычное утро среды, народу в парке было очень мало.

Очень мало, только горстка ничем не примечательных людей, которые, словно нарочно, сидели по одному на каждой скамейке. Видно было, что они совершенно не интересуются друг другом, и если какой-нибудь человек забредал сюда в поисках скамейки, то его удоставляли только взглядом-другим, не больше. Никто не выбирал себе скамью, которая уже была занята, даже если человек, сидящий на ней, приотстался с самого краешку. Каждому хотелось посидеть в одиночестве.

Лодочная станция представляла собой серую постройку, отделанную под диний камень, с огромным циферблатом на фасаде, выходящем к озеру, и люди, взявшие прокат лодки, всегда могли знать, истекло ли время или еще нет. Скамьи перед лодочной станцией стояли в два ряда, так что между рядами оставалась узкая дорожка шириной метра в полтора, которая шла от окошка кассира в домике лодочной станции к пирсу, где были привязаны лодки.

Трое молодых людей направлялись по этой дорожке к озеру. Двигались они, если приглядеться, очень интересно: чуть-чуть быстрее, чем обычно идет человек, выискивающий, куда бы сесть, и в то же время слишком медленно, чтобы можно было предположить, что у них была еще какая-то другая цель. Они были очень хорошо одеты — эти трое, много лучше, чем большинство из тех, кто сидел на скамьях. Но только

вот лиджак и у них были заужены в талии самую малость больше, чем нужно, и чуточку круче, чем следовало бы, заломлены поля шляп. Молодые люди подошли к кромке воды и посмотрели на озеро.

Они заглянули на него так, словно кто-то перед этим сообщил им, что озеро это — самое изумительное озеро в мире, но они этому не поверили и вот пришли, чтобы убедиться в этом своими глазами. Было не похоже, чтобы озеро их поразило. Лица, на которых сначала было одинаковое выражение легкой недоверчивости, очень скоро стали просто презрительными. Постояв немного, все трое внезапно повернулись к озеру спиной и закурили по сигарете — все трое сразу. Курили они медленно, глубоко затягиваясь, а глазами шаря по лицам сидящих на скамейках людей. Глаза у всех троих были маленькие и ширющиеся. Некоторое время, по-видимому, им не встретилось ничего примечательного, что могло бы изменить выражение лиц молодых людей; на них по-прежнему отражалось все то же неблагоприятное мнение об озере. Но вскоре они остановили свое внимание на последней скамейке слева.

Молодая девушка — очень хорошенькая девушка — сидела в самом центре этой скамейки, читая «Таймс». Она тоже была одета много лучше, чем остальные. «Таймс», сложенный в длину посередине страницы, девушка держала в левой руке, локоть которой оперлась на спинку скамьи. Девушка сидела в такой позе, что плечи по отношению к спинке скамейки приходились почти под прямым углом. Сидя так, нога на ногу, с правой рукой, свободно лежащей вдоль бедра и касающейся нижнего края страницы «Таймс», девушка являла собой очень привлекательную картину.

Трое молодых людей, стоя возле кромки воды, в течение некоторого времени, уставясь, молча смотрели на девушку. Затем один из них, тот, что стоял в центре, подтолкнул приятеля и подмигнул им. Под мышкой у него торчал сложенный номер «Дейли Ньюс». Он бросил недокуренную сигарету и бойко двинулся по дорожке между скамьями; двое других последовали за ним, и вот вся компания остановилась рядом со скамейкой, на которой сидела девушка. Первый молодой человек склонился к ней и протянул свою сложенную газету.

21 СМЕНА

— Извините, мисс,— сказал он,— но, может быть, вы уже прочитали свою газету? Я эту вот уже прочитал. Ну и подумал, что можно помянуть: а даю вам «Ньюс», а даю вам «Таймс».

Вздрогнув, девушка кинула на него быстрый и немного растерянный взгляд. Что-то знакомое в ее облеке говорило, однако, что она не испугалась и что растерянность ее тоже была только минутной. Например, локоты, который покоился на спинке скамьи в состоянии неутоячивого равновесия, не соскочила, хотя вздрогнула она заметно. Чуть задержав взгляд на молодом человеке, девушка выпрямилась и снова углубилась в газету. Молодой человек посмотрел на своих друзей. Лицо его было бесстрастно.

— Может быть, ребята, она вообще не читает «Ньюс»— громко произнес он.— Только «Таймс»!

— Чего ты меня спрашиваешь?— отозвался один из двух.— Ты ей не спири.

— Такая милая девушка и чтобы читала только «Таймс»!— Молодой человек с газетой покачал головой, словно не мог в это поверить.— Пусть бы она скажем и читала «Хорнет»— это еще куда ни шло, это я могу понять. Но не читает «Ньюс»!— Он снова наклонился к девушке.— Извините, мисс, у вас что, предубеждение против «Ньюс»?

Лицо девушки стало преувеличенно надменным, но головы от газеты она так и не подняла.

— Вот ведь как все в жизни получается,— сказал один из двух молодых людей. Они все говорили в одинаковой манере, громкими, чистыми голосами, как если бы им все время приходилось иметь дело с глухонемыми людьми.— Такая хорошеющая девушка и одета так мило, и вот трое горилл приходит к ней и начинают приставать. А не будь она так хорошо одета, не будь такой хорошеющей— и трое горилл не начали бы приставать, оставили бы ее в покое.

Он скрбно покачал головой.

— Не в том дело, что пристают,— сказал первый молодой человек.— Такая хорошеющая девушка и не читает «Ньюс»— вот в чем надо разбираться. Мимо таких вещей никак нельзя проходить.

— Хочешь в этом деле разобраться, Флэсси?— спросил второй молодой человек.

— Мы просто должны разобраться, Лу,— сказал Флэсси.

Он быстро присел на скамейку в полуметре от девушки с правой стороны. В тот же самый момент Лу сел слева от нее на таком же расстоянии. Третий молодой человек занял позицию за спинкой скамьи, тоже в полуметре, так что девушка оказалась окружена с трех сторон. В течение каких-то секунд, пока все это происходило, девушка казалась испуганной уже по-настоящему. Но затем она взяла себя в руки, не обратив ровным никоим образом на молодых людей, перевернула страницу «Таймс» и продолжала читать. Во всяком случае, продолжала глядеть в газету.

— Это дело мы должны спокойно исследовать,— сказал Флэсси.

— Спокойно или не спокойно, не знаю,— отозвался Лу.— Мы должны исследовать это дело тщательно.

— Гдет,— сказал тот, что стоял справа,— только уже пора начинать. Они переговаривались через голоса девушки. Они наклонились друг к другу и всматривались, приближая глаза, в газету, которую она держала, ни даже не взглянув на нее.

— Может быть, книжки,— сказал Флэсси. Девушка в это время читала отдел литературы.— Спросите ее, как по части книжек.

— Это мисль,— Лу наклонился к девушке:— Вы любите книжки, мисс? Девушка упрямо продолжала читать.

— Скажи ей, что я как-то читал одну книжку,— сказал Флэсси,— очень хорошая была книжка.

— Мне кажется, мы ей не по душе, Флэсси,— сказал Лу.

— Нет, нет. Это скороспелый вывод. Это книжки, книжки ей не по душе!— Флэсси уставился в газету девушки. Она была развернута на театральной странице.— А я знаю, кто ей нравится. Ей нравится Этель Барримор! Вам нравится Этель Барримор, мисс?

Девушка спокойно перевернула страницу. Она уже полностью овладела собой.

— Не нравится ей Этель Барримор,— сказал Лу.

— Тогда, может быть, Джен! Спроси ее, как по части Джен.

— Извините, мисс. Вам нравится Джен! Джен Барримор!

— И Джен ей тоже не нравится.

— Может быть, потому, что он женат. Ну-ка, спроси ее на этот раз ты, Гэс,— обратился Лу к молодому человеку, стоящему за спиной.

Гэс наклонился вперед.

— Вам не нравится Джен, мисс, потому что он женат?— спросил он. Флэсси подтолкнул его рукой.

— Ты скажи ей, что мы это дело можем уладить,— сказал он.

— Если Джен вам не нравится из-за того, что он женат, то мы это дело можем уладить,— сказал Гэс.— Хотите, чтобы мы это дело уладили? Девушка аккуратно перевернула страницу.

— Может, нам и не придется это улаживать,— сказал Лу.— Вы же знаете Дженю.

— Верно. Ежели вспомнить, какой он сейчас, Джен, то вполне может быть, что и не придется,— согласился Флэсси.

Гэс покачал головой.

— Боясь, парни, что дело тут не в Джене.

— А кто же тогда? Мой Боб?

— Боб! Ну,— что же может Гэс? Может быть, что это Боб.

— Боб!— кто? Какой Боб?— спросил Флэсси.

Лу, казалось, удивился.

— Ты еще спрашиваешь! Такая хорошеющая девушка, да еще так одета— и ты спрашиваешь!— Пардонки моделами.

— При чем тут «Парсонки моделами»? Здесь может быть два Боба. Может, Тайлор, а может, и Монтегери.

Гэс покачал головой.

— Флэсси,— сказал он,— ты меня удивляешь. Нет, ей-Богу. Такая девушка, и ты говоришь— Тайлор! С такой девушкой у Тайлора нет никаких шансов. Ну просто никаким, нуль. Это девушка для Монтегери, Флэсси.

Флэсси покачал плечами.

— Может быть,— сказал он.— Я мог ошибиться. Я как-то раз ошибся. Но как мог ошибиться, когда тут такая девушка— этого я никак не могу в толк взять. Значит, Монтегери! Все-таки лучше спроси у нее.

Лу снова наклонился к девушке.

— Извините, мисс. Здесь у нас спор зашел. Мы решили, что вам нравится Боб. Но вот в чем штука: какой Боб— Тайлор или Монтегери? Кто-нибудь из них?

Девушка перелистнула еще одну страницу и, прощурив глазами, сплюжила веки так, чтобы удобно было читать.

— Знаете, парни, что я думаю!— спросил Гэс. Через плечо девушки он заглянул в газету.

— Чт!

— Я думаю, что мы так не скоро доберемся до сути дела.

Казалось, для Флэсси это было тяжелым ударом.

— Не могу поверить,— сказал он.— Это невозможно. Зачем ты говоришь такие вещи!

Лу указал на газету.

— Она читает передовую,— сообщили они.

Флэсси был поражен.

Кто-то из передовой пошел вперед и покачал головой.— Это действительно ужасно. Передовую! Боже мой!

Он повернулся и через весь ряд скамеек посмотрел в сторону озера. Негритянский мальчик лет семи или восьми с видом совершенно преданного сына и воды по проходу между скамьями.

— Эй!— позвал Флэсси.— Эй, Дью Луис!

Мальчик быстро обернулся.

— Иди-ка сюда, дитя,— сказал Флэсси. Он показав рукой на скамейку.— У меня к тебе просьба.

Мальчик застенчиво подошел. Он выглядел испуганным, но только самую малость. На нем был светло-голубой диаметр с короткими рукавами, застегнутый от воротника до самого пояса коротеньких штанишек в большие белые пуговицы. Колени у него были голые, а ноги казались удивительно тонкими и даже какинк-то хрупкими.

— Да, сэр,— покорно спросил он.

— Хочешь заработать десять центов?— осведомился Флэсси.

— Да, сэр,— с готовностью ответил мальчик.

— Ты сначала узнай, есть ли у него уже разрешение работать,— посоветовал Гэс.

Флэсси чокнул поручик ему совсем пустую работу,— вмешался Лу.— Чтобы сделать то, что хочешь, не нужно никакого разрешения.

— Правильно,— сказал Флэсси.— Работы на минуту. Самые легкие десять центов, которыми ты когда-либо зарабатывал, Дью Луис.

— Не думаю, чтобы его звали Дью Луис,— усомнился Гэс.

Девушка снова прощуривала глазами, переворачивая страницу.

— Ты лучше поторопись, Флэсси,— посоветовал Лу.— Девушка становится чрезвычайно раздраженной.

— Такая хорошеющая девушка,— заметил Гэс,— конечно, она имеет полное право быть в нетерпении. Он наклонился к девушке:— Валейте, мисс, будьте нетерпеливой. У вас есть на это полное право.

Девушка в это время проглядывала некрологи. Тряпича чуть искривила векубы.

— Я старюсь усво всех сил,— сказал Флэсси.— Ситуация очень деликатная. Такие дела нужно проворачивать в лайновых перчатках. Мне требуется посредник. Я должен обратиться к помощи посредника, к Дью Луису, который находится с нами.

— Я все-таки не думаю, что его зовут Дью Луис,— повторил Гэс.

— Ты бы лучше узнал его настоящее имя, Флэсси,— сказал Лу.— Всегда нужно узнавать настоящее имя.

Флэсси снова повернулся к мальчику.

— Как твое настоящее фамилия, Дью Луис!

— Дюнсон,— ответил мальчик.

— Дюнсон!— переспросил Гэс, уставившись в небо.— Дюнсон! Дюнсон, Дюнсон.— Нет, никогда раньше не слышал.

— Имя,— сказал Лу.— Узнай, как его зовут, Флэсси.

— Как тебя зовут, Дюнсон!

— Мартин, сэр,— ответил мальчик.

— Мартин Дюнсон!

— Да, сэр.

— Это исследователь,— сказал Флэсси.— Мартин Дюнсон— это исследователь.

— Нет,— возразил Гэс.— Он ездит в Африку с фотоаппаратом. Он там фотографировал.

— Но он все-таки ездит в Африку? Или нет?

— Разумеется, он ездит.

— Тогда он исследователь. Если кто ездит в Африку, то он исследователь.

— Он не исследователь. Он женат,— сказал Гэс.

— И он тоже! Все женаты. А теперь и он.

— Только не Мартин Дюнсон,— сказал Лу.— Он погиб в авиационной катастрофе.

— Вот это верно,— сказал Флэсси.— Боже мой! Сначала он был женат.

А теперь он мертв. Боже мой!

— Ты должен поторопиться, Флэсси.

— Правильно,— Флэсси обратился к мальчику.— Я хочу, Дюнсон, чтобы ты сделал вот что. Видишь вот эту хорошеющую девушку?— Он кивнул в сторону девушки. Мальчик посмотрел на нее.

— Да, сэр,— ответил он, но в голосе его уже не было готовности за-
вершить фразу.

¹ Имеется в виду знаменитый американский боксер-негр.

Геннадий ВАСИЛЬЕВ

НОЧЬ НА МИССИССИПИ

НЕСКОЛЬКО ЧАСОВ
В НЕГРИТЯНСКОЙ «ДЕРЕВНЕ СВОБОДЫ»

Когда начинают падать звезды,
О господи, падают, падают звезды
К людям, к людям на землю.

Илириненный голос псада звучит где-то рядом, прохаживаясь sinistra stroke потрескиванием атмосферных разрядов. Красное слово, прерывистая мелодия. Я знаю эту старую песню. Это негритянский блюз — поэтический мурин души имуненного черного раба.

Незримый спутник подстривает транзистор. Когда начинают падать звезды...

Говос звучит, металлической струной. Щелчок. И гавкает мет. Нет ничего. Только полотновая река мур вечно до булавочных олов где-то рядом. Паром, на котором мы переплываем реку, затерялся между берегами, между небом и землей. Обдала колодезь, воздух струит уругие воды Миссисипи, черная, беспредельная.

Поведа сотни миль, по дорогам штатов Иллинойс, Миссури и Теннесси, мы видели много разного. Видели плагиаторские геральды с белыми шарами на полях, встречали дощатые хижины негров-защитников, любовались зелеными эворами-вилами, с историками замками и много-многолюдными фермами. Но в память никогда не влезало эта неполадочная ночь на Миссисипи.

Вот маленький и берет тускло освещенный причал, на берегу сплывают с лодкой кланые лисички чокеры. Миссури остался на той стороне. Мы в штате Теннесси. До цели нашей поездки теперь уже совсем недалеко.

Набольшой катерер на берегу. Кольчиче взгляде река изобретена за стенами из стальной. Над прилавком вывеска «Хозяин оставляет за собой право отказывать в обслуживании кому бы то ни было».

Что мы, смесь предупреждения веш. Особенно тем, к кому оно адресовано. Раньше это формулировалось четче: «Соборам и неграм вход воспрещен».

Поса мы боремся с огромными кусками мяса —

«Эта похоже на гирю, подвергнутой ожесточенной бомбардировке», — писал американский журналист «Лайф». Так выглядела негритянский район Детройте после того, как по нему пролетели чисты генерала Трюкхортена, бывшего заместителя командующего американскими войсками в Южном Вьетнаме.

Помарк, Филадельфия, Чикаго, Детройт... Более ста американских городов стали этим летом ареной бурных выступлений доведенных до отчаяния негров. В Детройте солдаты национальной гвардии устроили засаду на жителей негритянского гетто.

Нот оно, негритянская «деревня Свободы» — десеток палаток на глинистом поле. Ее дети совсем не похожи на улыбающихся ребятных с рекламных плакатов Америки. Маленький Джон родился и растет под этих брезентовым дождем...

Против «бунтовщиков» бросаем части регулярной армии США...

ДИПЛОМ С ОТЛИЧИЕМ

Он получает этот первый толчок — от Жукаря. Истаты, Жукаря, сгнанный Ю. Лученко, очень интересен, необаян и правдив. Мы как-то привыкли представлять себе Жукаря плечистым, арослым, могучим и даже снегов устроимым человеком... На сцену же выходит молодой, веселый и тонок с поэтической жилкой парень. Потому что Павел и является не нему самим существом. Двадцатилетний актер Саша Лотчиной сумел справиться с очень трудной задачей, поведав всего лишь испытанной мальчишкой, но потом как-то неуловимо для себя начинаешь замечать, как повлечется перед тобой по-настоящему убежденный человек, который до конца остается в строю, в бою.

— Известно, — продолжает рассказывать Геннадий Михайлович, — что Корчагин очень рано стал инвалидом. Но нам не это было важно! Нам была важна Павлина одержимость во имя справедливости. И еще хотелось показать, что и другие и враги Корчагина были людьми сильной воли и твердыми убеждений — тем убедительней его преданное, моральное торжество. Взять хотя бы Тоню Туманова: это ведь тоже очень твердый характер. И раскисает он вовсе не потому, что Тоня просто «далась» и пошла с врагами. А потому, что Тоня не захотела отступаться от своих взглядов...

С большой благодарностью воспринимается зрителем работа талантливого коллектива. Они остро реагируют на все события — то замирают, затанцуют, то бегено аллюдруют актерам... Вот какие бывают дипломные работы!

Н. АЛЕКСЕЕВА
Фото Л. ЕЛЛИНСКОЙ

ПОИСКИ МОЛОДЫХ

Павел Боровиков. «Нашествие».

Татьяна Каленкова. «На новых местах».

Почти каждая художественная выставка, на которой экспонируются произведения наших дней, знаменит зрителем с новыми именами. Принято увидеть под интересной работой еще неизвестные тебе лица или, чаще всего, что в искусство вошел новый художник. В этом смысле юбилейная экспозиция «Художники Москвы — артист А. Хотченков, Шарковский — артист В. Колмаков, Тоня Туманова — артистка Т. Гринна».

Минюспец Павел Боровиков выставляется впервые, он совсем недавно окончил художественный институт. Однако его полотно «Нашествие» привлечло большое внимание посетителей и молле по искусству. Картина посвящена Великой Отечественной войне — теме, и которой не раз обращались художники. Да и на этой выставке было довольно много произведений на повествовавших о военном времени.

Перед нами галерея лиц: П. Боровиков не потонул в общей массе. Автор сумел достаточно убедительно и достоверно передать состояние высокой психологической напряженности. Висельца, фанист с автоматом. Перед нами галерея лиц: скорбь, горечь, страдание... Но нет отчаяния. Все эти люди объединены общим чувством неприятия, возмущения, а также девичья приваивая к себе самодельную военную куртку. Художник избирал ситуацию в высшей степени трагичную, чтобы через нее показать величие духа советских людей, не сломанных фашистскими нашествиями. Изобразительный язык картины строг, цвета суховаты, что интонационно вполне соответствует современному жанру.

В отличие от П. Боровикова скульптор Татьяна Каленкова уже не первый раз представляет свою работу на суд зрителя. Ее произведения экспонировались этой зимой на молодежных выставках. Многие, наверное, помнят скульптуру Т. Каленковой «Стихи», очень выразительную по внутреннему

раскрытию чувств при внешней сдержанности. Здесь, на юбилейной выставке, она показала композицию «На новых местах». Герои Каленковой просто и спонтанно смотрят в глаза новой жизни. Без наигранного пафоса и искусственности, но и без тени неуверенности или боязни. Без суетности. Такое впечатление спонтанности и уверенности создает сама композиция скульптуры. Эта устойчивость в ледне но, например, даже несколько угрифована, но в допустимой степени. В целом, это произведение общей серьезности произведения. Пластическое решение скульптуры интересно и красиво, так же как интересна и красива обработка ее материала — пластика.

Работы творческие — лица двух молодых авторов, произведения которых были представлены на значительной выставке и выдержали в связи с этим такую значительную «интенсионированную» нагрузку, что на библикажных выставках мы снова встретим их имена, их новые работы.

Т. МКХАЙЛОВА

Этот спектакль — творческий дебют выпускников студии Центрального детского театра. Кому, постановке по роману Николая Островского «Как закалялась сталь»? Именно молодость позволила студентам-дипломникам так глубоко и откровенно раскрыть души и сердца героев бессмертной книги, индифферентной заслуженным артистом РСФСР Геннадием Печниковым. Он же выступил впервые и в качестве режиссера.

— Честно говоря, работать начинал уже сложное, — рассказывает Геннадий Михайлович. — О Павле Корчагине нам будто все давно-давно известно, хотя в последние время, говоря о нем, пользовались все больше общими словами: «состы», «подвиг». А нам захотелось увидеть «хрестоматийный» глаголик с образом Павла. Заключилась попытка ребята, нашим зрителем, увидеть живого, первоисточного Павлу, замечательного парня, заново покаять его людям, как бы приблизить его к современности. Мы верили: Павлу может и должен жить в наше время! Именно жить, а не существовать штампованным, затвердевшим, потерявшим эмоциональную окраску формулам.

У Островского есть такие слова: «Сюю повости. «Как закалялась сталь» и не выдумывать. Она написана о живых людях». Вспомни же Островского и его замечания о том, что Островский прежде всего поворачивает кистиюю, но исподволь ревно, порывистый, податливый. Если он влюбляется, то с первого взгляда, если ненавидит, то всей душой. Не оттого, что зариные знает: вот это, мол, хочешь, а вот это плохо. Нет. Ему свойственно и обаяние. Но это зариная, глубоко чувствующий и тонкая натура. Сильная Павла лишь подсознательно понимает несправедливость окружающего явления и как бы оспаривает точку, который мог бы дать его смысл, обоснование и верное направление.

Сцены на спектакля «Как закалялась сталь» — Павел Корчагин — артист А. Хотченков, Шарковский — артист В. Колмаков, Тоня Туманова — артистка Т. Гринна.

Н

едavno автор этой статьи был свидетелем спора двух людей (назовем их рядовыми киноартистами) о кинофильме «Война и мир». Одна сторона утверждала, что так и только так, как это сделал Сергей Бондарчук, можно прочитать в наше время средствами кинематографа роман Льва Толстого, только так можно снять картину и так величаво должно развиваться действие. Ответив фрагментарность, спорную трактовку ряда образов, эта сторона считала в целом картину выдающимся явлением советского киноискусства, блестящей реализацией на экране великого произведения Толстого. Другая сторона доказывала, что фильму не хватает толстовской теплоты, его человековедения, что роман нельзя снимать с использованием вертолетов, самолетов и другой совре-

менной техники — в результате на экране рушится стиль Толстого, что у писателя, при всех его философских и исторических отступлениях, есть действие, непрерывность самых разнообразных событий, переплетение людских судеб, сама жизнь — все то, что мы называем сюжетом, а в кинофильме он почти отсутствует и вместо него следуют одна за другой красивые иллюстрации. Обе стороны согласились, что Наташа в исполнении Людмилы Савельевой прекрасна, хотя актриса в отдельных случаях несколько переигрывает, коллективная свой непосредственностью и обаянием. Обе стороны признали, что Пьер — С. Бондарчук — это истинно толстовский Пьер, но не двадцатилетний юноша, каким он предстает в начале романа, а человек уже сложившийся как личность, умудренный жизненным опытом; что исполнение А. Кторовым роли старого князя Волконского — совершенство.

Заранее оговорюсь, что в споре, описанном выше, автор этих строк был согласен с первой стороной. Действительно, создан замечательный фильм. Действительно, картина не лишена недостатков. Впрочем, какие-то просчеты, недоработки неизбежны, если принять во внимание сложность, масштабность, длительность творческой работы, когда сама работа — поиск и открытие нового для самого автора экранизации. При суждении о фильме, при его оценке нельзя быть нетерпимым, нужно сохранять объективность, умом и сердцем понимать ответственность художника и уважать его труд, а то, что Сергей Бондарчук — большой художник, вряд ли кто будет оспаривать.

Многие виднейшие мастера мирового кинематографа — и отечественные и зарубежные — пытались воссоздать на экране роман Льва Толстого «Война и мир». Только в России более полувека назад были сняты три фильма. А сравнительно недавно на рубежом Кинг Видор рискнул осуществить двухсерийную постановку «Войны и мира». Отдадим должное американскому режиссеру — смелые достойные уважения. По благодарим Оди Хэнбери и Генри Фонда. Их игра доставляла нам радость и удовольствие. Но голливудский киновариант «Войны и мира» был подобен сравновому с ветки недозревшему плоду: и кожура бархатистая и краски вроде бы живые, а заглянешь внутрь — сердцевины нет. Не наполнила земля своими сотками зерна плода. И не могла наполнить, потому что земля эта была чужая, лишенная материнского тепла.

В американском фильме был отлично построенный сюжет, логичное развитие событий, неплохие батальные сцены, высокого класса актеры, но не было основного; самой России, ее народа, понимания его духа, его величия, а следовательно, не было и Толстого. Заменя русские

Заметки о
«Войне и мире» —
романе и кинофильме

ВО ИМЯ СВЕТА

К. ЗАМОШКИН

фамилии героев картин иностранными — французскими, английскими, какими угодно, — и будет принята, трогательная, почас даже драматическая история из великопетербского житейного иностранного государства с автором в виде бородатых «поселен». Пусть меня простят за некоторое преувеличение, но, право, оно не так уж далеко от действительности. И «иной» мой фильм «Война и мир» и постановке Сергея Федоровича Бондарчука. Истина познается в сравнении. Теперь, когда эта картина вышла на большой экран, совершенство голдауздского варианта «Войны и мира» стало особенно очевидно и бесспорно. Кстати, Кинг Видор сам честно и открыто признал выдающиеся достоинства фильма Сергея Бондарчука. Есть великая закономерность в творческом развитии всякого настоящего художника: это глубокое ощущение и понимание народности, когда мысль, воля, сила, талант, вдохновение целиком и полностью отлагаются тому главному в искусстве, без чего нет самого искусства. Это главное — посвящение себя народу и создание того, что народ должен принять как свое близкое, кровное, родное.

Мне могут возразить: позволять, все это правильно, но ведь речь-то идет только об экранизации, а не о создании самостоятельного, оригинального произведения. Да, Сергей Бондарчук понимал невероятную трудность своего замысла: перед ним был Лев Толстой, его гениальность, его слово, его противоречивость, его неопытность. Но постановщик и не ставил своей задачей подняться над Толстым или «дополнить» его. Он хотел бережно сохранить национальную основу романа, средствами кинематографа выразить главную суть бессмертной эпопеи.

Полностью почти ни одно классическое про-

изведение воплотить на экране нельзя. Более того, удачная экранизация — труднейший жанр кинематографа. И нередко режиссеры, «замыслившиеся» на классику, но не повиновавшиеся ни идеям, ни стилям, ни художественным особенностям классического произведения, пытавшихся его искусственно «осовременить» или «расширить и углубить», неуверенно отнесшихся к первоисточнику, ждало тяжелое поражение, и зритель не принимал подобных «классических» фильмов. Достаточно вспомнить последние экранизации «Выстрела», «Героя нашего времени», «Июнячка» («В городе С.»), «Гранатового браслета».

Когда дело касается экранизации, можно говорить лишь о максимально возможном приближении к оригиналу. Именно такую задачу поставил перед собой Бондарчук. И это было единственно правильным решением.

В своем творчестве актер и кинорежиссер Сергей Бондарчук последовательно разрабатывает народно-героическую тему. Несколько лет назад он, автор и главный исполнитель кинодрагедии «Судьба человека», ярко раскрыл нам огромную эмоциональную и моральную силу образа русского советского человека. Содержание темы крупных художников — М. А. Шолохова и С. Ф. Бондарчука — позволяло одержать нашей кинематографии одну из ее самых знаменательных побед. Ведь солдат Андрей Соколов Шолохова и Бондарчука был не только героем конкретного произведения, — он в значительной степени олицетворял собой народ, Родину, новый строй в годины тяжелых испытаний. Но и у самой великой полководной и могучей реки есть исток. Исток народного подвига — в истории народа. Русская классическая и советская литература дала миру немало великолепных произведений, посвященных героическим стра-

ниям народной жизни и борьбы. Достаточно назвать «Слово о полку Игореве» и «Вадонича», «Полтаву» и «Юрия Годунова», «Тараса Бульбу» и «Бориса», «Севастопольские рассказы» и «Война и мир», «Лизий Лоп» и «Василия Теркина», «Железный поток» и «Разгром». И показать на экране истину народной мощи, преодоление преград, наконец, бескрайний размах и широкую, далеко выходящую за пределы родной — разве это не благородная задача для художника!

И Сергей Бондарчук, наш современник, оглянувшись в прошлое, далекое и суровое, чтобы нам всем лучше понимать настоящее и еще больше любить его. Сергей Бондарчук оставил свой вклад на «Войне и мире». Поэтому работу его нельзя рассматривать как некий запоздалый этап апериодического творческого существования на киноэране — советское киноискусство должно было само рано и повсюду присутствовать в экранизации «Войны и мира».

Так роман «Война и мир», уникальный эпос, историко-литературная панорама России, знаменитое но глубине самонаражение писателя, стал для Бондарчука источником вдохновения и творчества.

Когда шесть лет назад он приступил к работе над фильмом, за его плечами в кино были образы Шевченко и Огелло, Дымова и Соколова, образы гуманные, сложные и трагические. Даже в небольшой роли большого инженера-электротехника из фильма «Новокиевская повесть» (своеобразной актерской ретроспекции перед большими свершениями) угадывались черты будущих героев — сильные, человеческие, мыслящие, в которых чуждо отщепенство и злоба, и к Родине стало главным, определяющим. И, приносившись к великому творению Льва Толстого, режиссер, полный уважения к великому, пошел за собой в творческую битву своих сиюминутных коллег по искусству.

Как-то на одном из острейших обсуждений отснятого материала Сергей Федорович сказал: «Нет для меня в жизни ничего дороже искусства. Во имя него и тогда поспорювать, всем самым дорогим и требую от других того же». Скачал он это тихо и глухо, но с огромной силой страсти и убежденности, и каждый из присутствовавших понял: это не просто фраза — это правда. Полной отдачи — художнической, творческой — требовал настоящих от своих товарищей. И сам он, энергичный, целеустремленный, строго высвечиватель, не отступавший перед трудностями, все годы работы показывал пример вдохновенного творческого труда. Таких людей иногда называют фанатиками. На мой взгляд, это определение неудачно, оно несправедливо по отношению к таким людям. В понятии «фанатик» есть какой-то оттенок ослепленности. Художника точнее характеризует доброе русское слово «однишник». Подвигник в искусстве, подвижничество в творчестве — что может быть прекрасней и благородней! И еще нужно быть смелым и решительным человеком. Художнику, писал Пушкин, нужно обладать «вышей смелостью», — смелостью воображения, создания, где прав обширный объемистый творческой смелости.

Так на «Мосфильме» работали Сергей Бондарчук и его группа.

Уж и в сценарии, разделение, как и роман Толстого, на четыре серии (три из которых мы видим бережное и любовное отношение к слову и мысли великого писателя: никакой отсебятины, неуклюжое соблюдение толстовского текста). Положение в основе сценария — те же самые сюжетные линии и узлы, автор экранизации С. Бондарчук и В. Соловьев подчинили их, по выражению Толстого, «мысли народной», заключившей в идеи величия и несокрушимости народа, его безависной любви и Родины, идею, воплощенной на полотне сколь грандиозном, столь живописном и выразительном, причем не только через впечатляющие массовые народные сцены в дни войны и в дни мира, но и через судьбы героев романа.

Конечно, полностью перенести все действующих лиц, все события и философию эпопеи на экран невозможно. К тому же кинематограф при всей его ависности от литературы, искусство самостоятельное. В его распоряжении свои средства художественного воображения. Но многогранность, глубина, размах, толстовские обобщения органично вошли в сценарий, в актерский фильм. И все же справедливости ради заметим, что сюжетная конструкция, даже в заданном

Фото В. УВАРОВА

шахмат А. С. Пушкину и по сей день хранится в доме-музее великого русского поэта на Мойке в Ленинграде.

Творческая деятельность Петрова на рубеже шахматной и ранней шахматной жизни в России, способствовавшая зарождению отечественной шахматной школы. За границей хорошо знали Петрова, и его не случайно прозвали «европейским Филдором» по имени гениального французского шахматиста

Под редакцией мастера
В. ЛЮБИНСКОГО

Северный Филдор

«Мы получили письмо из Варшавы от г-на Петрова. Мы публикуем его как свидетельство того интереса, который испытывают ко всему, что исходит от этого выдающегося мастера шахмат». Так писала в своем письме в 1846 году знаменитый французский шахматист прошлого столетия Пьер Сент-Аман.

В нынешнем году исполняется 100 лет со дня смерти первого русского шахматного мастера, Александра Дмитриевича Петрова (1794—1867 гг.). Петров уже давно шахматиста в раннем детстве, а тринадцатилетним подростком уже считался одним из сильнейших игроков Петербурга. Первым же стал первым русским шахматистом. Петров именуемого в свое время первоумством «Шахматная игра, привнесенная в систематический порядок». Энциклопедия пятой книги «Пополнение» надписью был преисподней автором: высокому ценителю

Детством Петрова является русская партия: 1. e4 e2. 2. Kf3 Kf6. 3. d4 Kf7. 4. Kc3 Kf6. 5. c4 Fe8 (иже 14... f5 16. Kd4 Kf7. 17. Kf3 Kf6. 18. Cf3! K: f5 16. Kd4 + Черные сдались. Крившевич фи.).

Поэтому, самолюбному стилю, более известному русскому шахматному мастеру можно судить по партии Петрова (снимок — сфотографирован в Варшаве в 1847 году.

В целях быстрой мобилизации сил Петров, игра

билый, повернул в левую. Сейчас он изобретательно организует стремительный атаку на королевского короля с рокировкой и застреливание в центре неприятельского короля.

Последовало: 11. Kd1 Ff6 12. Ke2 Fg7 13. e3! Kf6 14. Se4 Fe8 (иже 14... f5 16. Kd4 Kf7. 17. Kf3 Kf6. 18. Cf3! K: f5 16. Kd4 + Черные сдались. Крившевич фи.).

В небольшой степени не работа Петрова на шахматном поле: Петров не был задан, большей частью многоходовые, были глупо соображениями. Играть издалмьи и внешне эффективная проделанная работа. Истинно неудачному славу привнес Петрову его отчаянная символическая композиция «Символы Наполеона из Москвы в Париж», посвященная победе русско-отуриана над захватчиком в Отечественной войне 1812 года.

Русская армия (ноги белых) проследует на пути в войска французую и 1-ю линию на протяжении Бастилии, и доходит с триумфом до Наполеона восточной стороны на мат в 14 ходов решается 1. Kd1 Kf6 2. Kf3 Kf6 3. Kf3 Kf6 4. Kf3 Kf6 5. Kf3 Kf6 6. Kf3 Kf6 7. Kf3 Kf6 8. Kf3 Kf6 9. Kf3 Kf6 10. Kf3 Kf6 11. Kf3 Kf6 12. Kf3 Kf6 13. Kf3 Kf6 14. Kf3 Kf6 15. Kf3 Kf6 16. Kf3 Kf6 17. Kf3 Kf6 18. Kf3 Kf6 19. Kf3 Kf6 20. Kf3 Kf6 21. Kf3 Kf6 22. Kf3 Kf6 23. Kf3 Kf6 24. Kf3 Kf6 25. Kf3 Kf6 26. Kf3 Kf6 27. Kf3 Kf6 28. Kf3 Kf6 29. Kf3 Kf6 30. Kf3 Kf6 31. Kf3 Kf6 32. Kf3 Kf6 33. Kf3 Kf6 34. Kf3 Kf6 35. Kf3 Kf6 36. Kf3 Kf6 37. Kf3 Kf6 38. Kf3 Kf6 39. Kf3 Kf6 40. Kf3 Kf6 41. Kf3 Kf6 42. Kf3 Kf6 43. Kf3 Kf6 44. Kf3 Kf6 45. Kf3 Kf6 46. Kf3 Kf6 47. Kf3 Kf6 48. Kf3 Kf6 49. Kf3 Kf6 50. Kf3 Kf6 51. Kf3 Kf6 52. Kf3 Kf6 53. Kf3 Kf6 54. Kf3 Kf6 55. Kf3 Kf6 56. Kf3 Kf6 57. Kf3 Kf6 58. Kf3 Kf6 59. Kf3 Kf6 60. Kf3 Kf6 61. Kf3 Kf6 62. Kf3 Kf6 63. Kf3 Kf6 64. Kf3 Kf6 65. Kf3 Kf6 66. Kf3 Kf6 67. Kf3 Kf6 68. Kf3 Kf6 69. Kf3 Kf6 70. Kf3 Kf6 71. Kf3 Kf6 72. Kf3 Kf6 73. Kf3 Kf6 74. Kf3 Kf6 75. Kf3 Kf6 76. Kf3 Kf6 77. Kf3 Kf6 78. Kf3 Kf6 79. Kf3 Kf6 80. Kf3 Kf6 81. Kf3 Kf6 82. Kf3 Kf6 83. Kf3 Kf6 84. Kf3 Kf6 85. Kf3 Kf6 86. Kf3 Kf6 87. Kf3 Kf6 88. Kf3 Kf6 89. Kf3 Kf6 90. Kf3 Kf6 91. Kf3 Kf6 92. Kf3 Kf6 93. Kf3 Kf6 94. Kf3 Kf6 95. Kf3 Kf6 96. Kf3 Kf6 97. Kf3 Kf6 98. Kf3 Kf6 99. Kf3 Kf6 100. Kf3 Kf6 101. Kf3 Kf6 102. Kf3 Kf6 103. Kf3 Kf6 104. Kf3 Kf6 105. Kf3 Kf6 106. Kf3 Kf6 107. Kf3 Kf6 108. Kf3 Kf6 109. Kf3 Kf6 110. Kf3 Kf6 111. Kf3 Kf6 112. Kf3 Kf6 113. Kf3 Kf6 114. Kf3 Kf6 115. Kf3 Kf6 116. Kf3 Kf6 117. Kf3 Kf6 118. Kf3 Kf6 119. Kf3 Kf6 120. Kf3 Kf6 121. Kf3 Kf6 122. Kf3 Kf6 123. Kf3 Kf6 124. Kf3 Kf6 125. Kf3 Kf6 126. Kf3 Kf6 127. Kf3 Kf6 128. Kf3 Kf6 129. Kf3 Kf6 130. Kf3 Kf6 131. Kf3 Kf6 132. Kf3 Kf6 133. Kf3 Kf6 134. Kf3 Kf6 135. Kf3 Kf6 136. Kf3 Kf6 137. Kf3 Kf6 138. Kf3 Kf6 139. Kf3 Kf6 140. Kf3 Kf6 141. Kf3 Kf6 142. Kf3 Kf6 143. Kf3 Kf6 144. Kf3 Kf6 145. Kf3 Kf6 146. Kf3 Kf6 147. Kf3 Kf6 148. Kf3 Kf6 149. Kf3 Kf6 150. Kf3 Kf6 151. Kf3 Kf6 152. Kf3 Kf6 153. Kf3 Kf6 154. Kf3 Kf6 155. Kf3 Kf6 156. Kf3 Kf6 157. Kf3 Kf6 158. Kf3 Kf6 159. Kf3 Kf6 160. Kf3 Kf6 161. Kf3 Kf6 162. Kf3 Kf6 163. Kf3 Kf6 164. Kf3 Kf6 165. Kf3 Kf6 166. Kf3 Kf6 167. Kf3 Kf6 168. Kf3 Kf6 169. Kf3 Kf6 170. Kf3 Kf6 171. Kf3 Kf6 172. Kf3 Kf6 173. Kf3 Kf6 174. Kf3 Kf6 175. Kf3 Kf6 176. Kf3 Kf6 177. Kf3 Kf6 178. Kf3 Kf6 179. Kf3 Kf6 180. Kf3 Kf6 181. Kf3 Kf6 182. Kf3 Kf6 183. Kf3 Kf6 184. Kf3 Kf6 185. Kf3 Kf6 186. Kf3 Kf6 187. Kf3 Kf6 188. Kf3 Kf6 189. Kf3 Kf6 190. Kf3 Kf6 191. Kf3 Kf6 192. Kf3 Kf6 193. Kf3 Kf6 194. Kf3 Kf6 195. Kf3 Kf6 196. Kf3 Kf6 197. Kf3 Kf6 198. Kf3 Kf6 199. Kf3 Kf6 200. Kf3 Kf6 201. Kf3 Kf6 202. Kf3 Kf6 203. Kf3 Kf6 204. Kf3 Kf6 205. Kf3 Kf6 206. Kf3 Kf6 207. Kf3 Kf6 208. Kf3 Kf6 209. Kf3 Kf6 210. Kf3 Kf6 211. Kf3 Kf6 212. Kf3 Kf6 213. Kf3 Kf6 214. Kf3 Kf6 215. Kf3 Kf6 216. Kf3 Kf6 217. Kf3 Kf6 218. Kf3 Kf6 219. Kf3 Kf6 220. Kf3 Kf6 221. Kf3 Kf6 222. Kf3 Kf6 223. Kf3 Kf6 224. Kf3 Kf6 225. Kf3 Kf6 226. Kf3 Kf6 227. Kf3 Kf6 228. Kf3 Kf6 229. Kf3 Kf6 230. Kf3 Kf6 231. Kf3 Kf6 232. Kf3 Kf6 233. Kf3 Kf6 234. Kf3 Kf6 235. Kf3 Kf6 236. Kf3 Kf6 237. Kf3 Kf6 238. Kf3 Kf6 239. Kf3 Kf6 240. Kf3 Kf6 241. Kf3 Kf6 242. Kf3 Kf6 243. Kf3 Kf6 244. Kf3 Kf6 245. Kf3 Kf6 246. Kf3 Kf6 247. Kf3 Kf6 248. Kf3 Kf6 249. Kf3 Kf6 250. Kf3 Kf6 251. Kf3 Kf6 252. Kf3 Kf6 253. Kf3 Kf6 254. Kf3 Kf6 255. Kf3 Kf6 256. Kf3 Kf6 257. Kf3 Kf6 258. Kf3 Kf6 259. Kf3 Kf6 260. Kf3 Kf6 261. Kf3 Kf6 262. Kf3 Kf6 263. Kf3 Kf6 264. Kf3 Kf6 265. Kf3 Kf6 266. Kf3 Kf6 267. Kf3 Kf6 268. Kf3 Kf6 269. Kf3 Kf6 270. Kf3 Kf6 271. Kf3 Kf6 272. Kf3 Kf6 273. Kf3 Kf6 274. Kf3 Kf6 275. Kf3 Kf6 276. Kf3 Kf6 277. Kf3 Kf6 278. Kf3 Kf6 279. Kf3 Kf6 280. Kf3 Kf6 281. Kf3 Kf6 282. Kf3 Kf6 283. Kf3 Kf6 284. Kf3 Kf6 285. Kf3 Kf6 286. Kf3 Kf6 287. Kf3 Kf6 288. Kf3 Kf6 289. Kf3 Kf6 290. Kf3 Kf6 291. Kf3 Kf6 292. Kf3 Kf6 293. Kf3 Kf6 294. Kf3 Kf6 295. Kf3 Kf6 296. Kf3 Kf6 297. Kf3 Kf6 298. Kf3 Kf6 299. Kf3 Kf6 300. Kf3 Kf6 301. Kf3 Kf6 302. Kf3 Kf6 303. Kf3 Kf6 304. Kf3 Kf6 305. Kf3 Kf6 306. Kf3 Kf6 307. Kf3 Kf6 308. Kf3 Kf6 309. Kf3 Kf6 310. Kf3 Kf6 311. Kf3 Kf6 312. Kf3 Kf6 313. Kf3 Kf6 314. Kf3 Kf6 315. Kf3 Kf6 316. Kf3 Kf6 317. Kf3 Kf6 318. Kf3 Kf6 319. Kf3 Kf6 320. Kf3 Kf6 321. Kf3 Kf6 322. Kf3 Kf6 323. Kf3 Kf6 324. Kf3 Kf6 325. Kf3 Kf6 326. Kf3 Kf6 327. Kf3 Kf6 328. Kf3 Kf6 329. Kf3 Kf6 330. Kf3 Kf6 331. Kf3 Kf6 332. Kf3 Kf6 333. Kf3 Kf6 334. Kf3 Kf6 335. Kf3 Kf6 336. Kf3 Kf6 337. Kf3 Kf6 338. Kf3 Kf6 339. Kf3 Kf6 340. Kf3 Kf6 341. Kf3 Kf6 342. Kf3 Kf6 343. Kf3 Kf6 344. Kf3 Kf6 345. Kf3 Kf6 346. Kf3 Kf6 347. Kf3 Kf6 348. Kf3 Kf6 349. Kf3 Kf6 350. Kf3 Kf6 351. Kf3 Kf6 352. Kf3 Kf6 353. Kf3 Kf6 354. Kf3 Kf6 355. Kf3 Kf6 356. Kf3 Kf6 357. Kf3 Kf6 358. Kf3 Kf6 359. Kf3 Kf6 360. Kf3 Kf6 361. Kf3 Kf6 362. Kf3 Kf6 363. Kf3 Kf6 364. Kf3 Kf6 365. Kf3 Kf6 366. Kf3 Kf6 367. Kf3 Kf6 368. Kf3 Kf6 369. Kf3 Kf6 370. Kf3 Kf6 371. Kf3 Kf6 372. Kf3 Kf6 373. Kf3 Kf6 374. Kf3 Kf6 375. Kf3 Kf6 376. Kf3 Kf6 377. Kf3 Kf6 378. Kf3 Kf6 379. Kf3 Kf6 380. Kf3 Kf6 381. Kf3 Kf6 382. Kf3 Kf6 383. Kf3 Kf6 384. Kf3 Kf6 385. Kf3 Kf6 386. Kf3 Kf6 387. Kf3 Kf6 388. Kf3 Kf6 389. Kf3 Kf6 390. Kf3 Kf6 391. Kf3 Kf6 392. Kf3 Kf6 393. Kf3 Kf6 394. Kf3 Kf6 395. Kf3 Kf6 396. Kf3 Kf6 397. Kf3 Kf6 398. Kf3 Kf6 399. Kf3 Kf6 400. Kf3 Kf6 401. Kf3 Kf6 402. Kf3 Kf6 403. Kf3 Kf6 404. Kf3 Kf6 405. Kf3 Kf6 406. Kf3 Kf6 407. Kf3 Kf6 408. Kf3 Kf6 409. Kf3 Kf6 410. Kf3 Kf6 411. Kf3 Kf6 412. Kf3 Kf6 413. Kf3 Kf6 414. Kf3 Kf6 415. Kf3 Kf6 416. Kf3 Kf6 417. Kf3 Kf6 418. Kf3 Kf6 419. Kf3 Kf6 420. Kf3 Kf6 421. Kf3 Kf6 422. Kf3 Kf6 423. Kf3 Kf6 424. Kf3 Kf6 425. Kf3 Kf6 426. Kf3 Kf6 427. Kf3 Kf6 428. Kf3 Kf6 429. Kf3 Kf6 430. Kf3 Kf6 431. Kf3 Kf6 432. Kf3 Kf6 433. Kf3 Kf6 434. Kf3 Kf6 435. Kf3 Kf6 436. Kf3 Kf6 437. Kf3 Kf6 438. Kf3 Kf6 439. Kf3 Kf6 440. Kf3 Kf6 441. Kf3 Kf6 442. Kf3 Kf6 443. Kf3 Kf6 444. Kf3 Kf6 445. Kf3 Kf6 446. Kf3 Kf6 447. Kf3 Kf6 448. Kf3 Kf6 449. Kf3 Kf6 450. Kf3 Kf6 451. Kf3 Kf6 452. Kf3 Kf6 453. Kf3 Kf6 454. Kf3 Kf6 455. Kf3 Kf6 456. Kf3 Kf6 457. Kf3 Kf6 458. Kf3 Kf6 459. Kf3 Kf6 460. Kf3 Kf6 461. Kf3 Kf6 462. Kf3 Kf6 463. Kf3 Kf6 464. Kf3 Kf6 465. Kf3 Kf6 466. Kf3 Kf6 467. Kf3 Kf6 468. Kf3 Kf6 469. Kf3 Kf6 470. Kf3 Kf6 471. Kf3 Kf6 472. Kf3 Kf6 473. Kf3 Kf6 474. Kf3 Kf6 475. Kf3 Kf6 476. Kf3 Kf6 477. Kf3 Kf6 478. Kf3 Kf6 479. Kf3 Kf6 480. Kf3 Kf6 481. Kf3 Kf6 482. Kf3 Kf6 483. Kf3 Kf6 484. Kf3 Kf6 485. Kf3 Kf6 486. Kf3 Kf6 487. Kf3 Kf6 488. Kf3 Kf6 489. Kf3 Kf6 490. Kf3 Kf6 491. Kf3 Kf6 492. Kf3 Kf6 493. Kf3 Kf6 494. Kf3 Kf6 495. Kf3 Kf6 496. Kf3 Kf6 497. Kf3 Kf6 498. Kf3 Kf6 499. Kf3 Kf6 500. Kf3 Kf6 501. Kf3 Kf6 502. Kf3 Kf6 503. Kf3 Kf6 504. Kf3 Kf6 505. Kf3 Kf6 506. Kf3 Kf6 507. Kf3 Kf6 508. Kf3 Kf6 509. Kf3 Kf6 510. Kf3 Kf6 511. Kf3 Kf6 512. Kf3 Kf6 513. Kf3 Kf6 514. Kf3 Kf6 515. Kf3 Kf6 516. Kf3 Kf6 517. Kf3 Kf6 518. Kf3 Kf6 519. Kf3 Kf6 520. Kf3 Kf6 521. Kf3 Kf6 522. Kf3 Kf6 523. Kf3 Kf6 524. Kf3 Kf6 525. Kf3 Kf6 526. Kf3 Kf6 527. Kf3 Kf6 528. Kf3 Kf6 529. Kf3 Kf6 530. Kf3 Kf6 531. Kf3 Kf6 532. Kf3 Kf6 533. Kf3 Kf6 534. Kf3 Kf6 535. Kf3 Kf6 536. Kf3 Kf6 537. Kf3 Kf6 538. Kf3 Kf6 539. Kf3 Kf6 540. Kf3 Kf6 541. Kf3 Kf6 542. Kf3 Kf6 543. Kf3 Kf6 544. Kf3 Kf6 545. Kf3 Kf6 546. Kf3 Kf6 547. Kf3 Kf6 548. Kf3 Kf6 549. Kf3 Kf6 550. Kf3 Kf6 551. Kf3 Kf6 552. Kf3 Kf6 553. Kf3 Kf6 554. Kf3 Kf6 555. Kf3 Kf6 556. Kf3 Kf6 557. Kf3 Kf6 558. Kf3 Kf6 559. Kf3 Kf6 560. Kf3 Kf6 561. Kf3 Kf6 562. Kf3 Kf6 563. Kf3 Kf6 564. Kf3 Kf6 565. Kf3 Kf6 566. Kf3 Kf6 567. Kf3 Kf6 568. Kf3 Kf6 569. Kf3 Kf6 570. Kf3 Kf6 571. Kf3 Kf6 572. Kf3 Kf6 573. Kf3 Kf6 574. Kf3 Kf6 575. Kf3 Kf6 576. Kf3 Kf6 577. Kf3 Kf6 578. Kf3 Kf6 579. Kf3 Kf6 580. Kf3 Kf6 581. Kf3 Kf6 582. Kf3 Kf6 583. Kf3 Kf6 584. Kf3 Kf6 585. Kf3 Kf6 586. Kf3 Kf6 587. Kf3 Kf6 588. Kf3 Kf6 589. Kf3 Kf6 590. Kf3 Kf6 591. Kf3 Kf6 592. Kf3 Kf6 593. Kf3 Kf6 594. Kf3 Kf6 595. Kf3 Kf6 596. Kf3 Kf6 597. Kf3 Kf6 598. Kf3 Kf6 599. Kf3 Kf6 600. Kf3 Kf6 601. Kf3 Kf6 602. Kf3 Kf6 603. Kf3 Kf6 604. Kf3 Kf6 605. Kf3 Kf6 606. Kf3 Kf6 607. Kf3 Kf6 608. Kf3 Kf6 609. Kf3 Kf6 610. Kf3 Kf6 611. Kf3 Kf6 612. Kf3 Kf6 613. Kf3 Kf6 614. Kf3 Kf6 615. Kf3 Kf6 616. Kf3 Kf6 617. Kf3 Kf6 618. Kf3 Kf6 619. Kf3 Kf6 620. Kf3 Kf6 621. Kf3 Kf6 622. Kf3 Kf6 623. Kf3 Kf6 624. Kf3 Kf6 625. Kf3 Kf6 626. Kf3 Kf6 627. Kf3 Kf6 628. Kf3 Kf6 629. Kf3 Kf6 630. Kf3 Kf6 631. Kf3 Kf6 632. Kf3 Kf6 633. Kf3 Kf6 634. Kf3 Kf6 635. Kf3 Kf6 636. Kf3 Kf6 637. Kf3 Kf6 638. Kf3 Kf6 639. Kf3 Kf6 640. Kf3 Kf6 641. Kf3 Kf6 642. Kf3 Kf6 643. Kf3 Kf6 644. Kf3 Kf6 645. Kf3 Kf6 646. Kf3 Kf6 647. Kf3 Kf6 648. Kf3 Kf6 649. Kf3 Kf6 650. Kf3 Kf6 651. Kf3 Kf6 652. Kf3 Kf6 653. Kf3 Kf6 654. Kf3 Kf6 655. Kf3 Kf6 656. Kf3 Kf6 657. Kf3 Kf6 658. Kf3 Kf6 659. Kf3 Kf6 660. Kf3 Kf6 661. Kf3 Kf6 662. Kf3 Kf6 663. Kf3 Kf6 664. Kf3 Kf6 665. Kf3 Kf6 666. Kf3 Kf6 667. Kf3 Kf6 668. Kf3 Kf6 669. Kf3 Kf6 670. Kf3 Kf6 671. Kf3 Kf6 672. Kf3 Kf6 673. Kf3 Kf6 674. Kf3 Kf6 675. Kf3 Kf6 676. Kf3 Kf6 677. Kf3 Kf6 678. Kf3 Kf6 679. Kf3 Kf6 680. Kf3 Kf6 681. Kf3 Kf6 682. Kf3 Kf6 683. Kf3 Kf6 684. Kf3 Kf6 685. Kf3 Kf6 686. Kf3 Kf6 687. Kf3 Kf6 688. Kf3 Kf6 689. Kf3 Kf6 690. Kf3 Kf6 691. Kf3 Kf6 692. Kf3 Kf6 693. Kf3 Kf6 694. Kf3 Kf6 695. Kf3 Kf6 696. Kf3 Kf6 697. Kf3 Kf6 698. Kf3 Kf6 699. Kf3 Kf6 700. Kf3 Kf6 701. Kf3 Kf6 702. Kf3 Kf6 703. Kf3 Kf6 704. Kf3 Kf6 705. Kf3 Kf6 706. Kf3 Kf6 707. Kf3 Kf6 708. Kf3 Kf6 709. Kf3 Kf6 710. Kf3 Kf6 711. Kf3 Kf6 712. Kf3 Kf6 713. Kf3 Kf6 714. Kf3 Kf6 715. Kf3 Kf6 716. Kf3 Kf6 717. Kf3 Kf6 718. Kf3 Kf6 719. Kf3 Kf6 720. Kf3 Kf6 721. Kf3 Kf6 722. Kf3 Kf6 723. Kf3 Kf6 724. Kf3 Kf6 725. Kf3 Kf6 726. Kf3 Kf6 727. Kf3 Kf6 728. Kf3 Kf6 729. Kf3 Kf6 730. Kf3 Kf6 731. Kf3 Kf6 732. Kf3 Kf6 733. Kf3 Kf6 734. Kf3 Kf6 735. Kf3 Kf6 736. Kf3 Kf6 737. Kf3 Kf6 738. Kf3 Kf6 739. Kf3 Kf6 740. Kf3 Kf6 741. Kf3 Kf6 742. Kf3 Kf6 743. Kf3 Kf6 744. Kf3 Kf6 745. Kf3 Kf6 746. Kf3 Kf6 747. Kf3 Kf6 748. Kf3 Kf6 749. Kf3 Kf6 750. Kf3 Kf6 751. Kf3 Kf6 752. Kf3 Kf6 753. Kf3 Kf6 754. Kf3 Kf6 755. Kf3 Kf6 756. Kf3 Kf6 757. Kf3 Kf6 758. Kf3 Kf6 759. Kf3 Kf6 760. Kf3 Kf6 761. Kf3 Kf6 762. Kf3 Kf6 763. Kf3 Kf6 764. Kf3 Kf6 765. Kf3 Kf6 766. Kf3 Kf6 767. Kf3 Kf6 768. Kf3 Kf6 769. Kf3 Kf6 770. Kf3 Kf6 771. Kf3 Kf6 772. Kf3 Kf6 773. Kf3 Kf6 774. Kf3 Kf6 775. Kf3 Kf6 776. Kf3 Kf6 777. Kf3 Kf6 778. Kf3 Kf6 779. Kf3 Kf6 780. Kf3 Kf6 781. Kf3 Kf6 782. Kf3 Kf6 783. Kf3 Kf6 784. Kf3 Kf6 785. Kf3 Kf6 786. Kf3 Kf6 787. Kf3 Kf6 788. Kf3 Kf6 789. Kf3 Kf6 790. Kf3 Kf6 791. Kf3 Kf6 792. Kf3 Kf6 793. Kf3 Kf6 794. Kf3 Kf6 795. Kf3 Kf6 796. Kf3 Kf6 797. Kf3 Kf6 798. Kf3 Kf6 799. Kf3 Kf6 800. Kf3 Kf6 801. Kf3 Kf6 802. Kf3 Kf6 803. Kf3 Kf6 804. Kf3 Kf6 805. Kf3 Kf6 806. Kf3 Kf6 807. Kf3 Kf6 808. Kf3 Kf6 809. Kf3 Kf6 810. Kf3 Kf6 811. Kf3 Kf6 812. Kf3 Kf6 813. Kf3 Kf6 814. Kf3 Kf6 815. Kf3 Kf6 816. Kf3 Kf6 817. Kf3 Kf6 818. Kf3 Kf6 819. Kf3 Kf6 820. Kf3 Kf6 821. Kf3 Kf6 822. Kf3 Kf6 823. Kf3 Kf6 824. Kf3 Kf6 825. Kf3 Kf6 826. Kf3 Kf6 827. Kf3 Kf6 828. Kf3 Kf6 829. Kf3 Kf6 830. Kf3 Kf6 831. Kf3 Kf6 832. Kf3 Kf6 833. Kf3 Kf6 834. Kf3 Kf6 835. Kf3 Kf6 836. Kf3 Kf6 837. Kf3 Kf6 838. Kf3 Kf6 839. Kf3 Kf6 840. Kf3 Kf6 841. Kf3 Kf6 842. Kf3 Kf6 843. Kf3 Kf6 844. Kf3 Kf6 845. Kf3 Kf6 846. Kf3 Kf6 847. Kf3 Kf6 848. Kf3 Kf6 849. Kf3 Kf6 850. Kf3 Kf6 851. Kf3 Kf6 852. Kf3 Kf6 853. Kf3 Kf6 854. Kf3 Kf6 855. Kf3 Kf6 856. Kf3 Kf6 857. Kf3 Kf6 858. Kf3 Kf6 859. Kf3 Kf6 860. Kf3 Kf6 861. Kf3 Kf6 862. Kf3 Kf6 863. Kf3 Kf6 864. Kf3 Kf6 865. Kf3 Kf6 866. Kf3 Kf6 867. Kf3 Kf6 868. Kf3 Kf6 869. Kf3 Kf6 870. Kf3 Kf6 871. Kf3 Kf6 872. Kf3 Kf6 873. Kf3 Kf6 874. Kf3 Kf6 875. Kf3 Kf6 876. Kf3 Kf6 877. Kf3 Kf6 878. Kf3 Kf6 879. Kf3 Kf6 880. Kf3 Kf6 881. Kf3 Kf6 882. Kf3 Kf6 883. Kf3 Kf6 884. Kf3 Kf6 885. Kf3 Kf6 886. Kf3 Kf6 887. Kf3 Kf6 888. Kf3 Kf6 889. Kf3 Kf6 890. Kf3 Kf6 891. Kf3 Kf6 892. Kf3 Kf6 893. Kf3 Kf6 894. Kf3 Kf6 895. Kf3 Kf6 896. Kf3 Kf6 897. Kf3 Kf6 898. Kf3 Kf6 899. Kf3 Kf6 900. Kf3 Kf6 901. Kf3 Kf6 902. Kf3 Kf6 903. Kf3 Kf6 904. Kf3 Kf6 905. Kf3 Kf6 906. Kf3 Kf6 907. Kf3 Kf6 908. Kf3 Kf6 909. Kf3 Kf6 910. Kf3 Kf6 911. Kf3 Kf6 912. Kf3 Kf6 913. Kf3 Kf6 914. Kf3 Kf6 915. Kf3 Kf6 916. Kf3 Kf6 917. Kf3 Kf6 918. Kf3 Kf6 919. Kf3 Kf6 920. Kf3 Kf6 921. Kf3 Kf6 922. Kf3 Kf6 923. Kf3 Kf6 924. Kf3 Kf6 925. Kf3 Kf6 926. Kf3 Kf6 927. Kf3 Kf6 928. Kf3 Kf6 929. Kf3 Kf6 930. Kf3 Kf6 931. Kf3 Kf6 932. Kf3 Kf6 933. Kf3 Kf6 934. Kf3 Kf6 935. Kf3 Kf6 936. Kf3 Kf6 937. Kf3 Kf6 938. Kf3 Kf6 939. Kf3 Kf6 940. Kf3 Kf6 941. Kf3 Kf6 942. Kf3 Kf6 943. Kf3 Kf6 944. Kf3 Kf6 945. Kf3 Kf6 946. Kf3 Kf6 947. Kf3 Kf6 948. Kf3 Kf6 949. Kf3 Kf6 950. Kf3 Kf6 951. Kf3 Kf6 952. Kf3 Kf6 953. Kf3 Kf6 954. Kf3 Kf6 955. Kf3 Kf6 956. Kf3 Kf6 957. Kf3 Kf6 958. Kf3 Kf6 959. Kf3 Kf6 960. Kf3 Kf6 961. Kf3 Kf6 962. Kf3 Kf6 963. Kf3 Kf6 964. Kf3 Kf6 965. Kf3 Kf6 966. Kf3 Kf6 967. Kf3 Kf6 968. Kf3 Kf6 969. Kf3 Kf6 970. Kf3 Kf6 971. Kf3 Kf6 972. Kf3 Kf6 973. Kf3 Kf6 974. Kf3 Kf6 975. Kf3 Kf6 976. Kf3 Kf6 977. Kf3 Kf6 978. Kf3 Kf6 979. Kf3 Kf6 980. Kf3 Kf6 981. Kf3 Kf6 982. Kf3 Kf6 983. Kf3 Kf6 984. Kf3 Kf6 985. Kf3 Kf6 986. Kf3 Kf6 987. Kf3 Kf6 988. Kf3 Kf6 989. Kf3 Kf6 990. Kf3 Kf6 991. Kf3 Kf6 992. Kf3 Kf6 993. Kf3 Kf6 994. Kf3 Kf6

— Н

уноно званя. Пал Пальмач — душно, в один голос слышали все работники нашей редакции и приходящего издательства. — Только он один может в этом разбираться.

— Да, уж без Пал Пальмача это — мертвое дело, — несколько объяснил наш редактор соседней лавки с запыленными глазами — Успокойтесь, поплачьтесь. Сейчас он придет и все объяснит.

И не оставил себе долго ждать. Ну-с! — сказал я товарищам по работе и запянутой даме. — Что у вас тут олять?

— Комшарная история! Ужас! — матерейво зарычались наши работники. — Единственный ребенок в семье ушел из дому, якобы на прогулку, напился, по дороге разбил соседям стекло и завалился домой во втором часу ночи. Спрашивается: как это могло случиться? Кто и почему? — А он отгадает? — недоверчиво спросила дама, поновившись в мою сторону.

— Непременно! — успокоил ее редактор. — Специально для этого дерев.

И сделал профессиональную паузу, нахмурился и тихо прошепел:

— Сколько лет ребенку? — Восемнадцать, — ответила запянувшая дама.

— Стало быть мальчик. — Точно! — оминилась она, взглянув на редактора, который сделал ей редостный, обнадуживающий жест.

Ну, что ж! — сказала я, принимая поглядку в сторону. — Значит, так сам по себе ребенок, мне думается, исключительно воспитанный, на хороших, благородных, способный твоей малочислен, однако подлинной, а дружкум явною со стороны.

ПОЧЕМУ ЭТО СЛУЧИЛОСЬ?

Марк ЗАХАРОВ

— В точности! — воскликнула дама, мерно перебирая носовой платок. — Золотые слова! Это же ни сам... это его научил соседние дети.

— Пал Пальмач, не отгадывай! — тотчас же попросили meine работницы нашего отдела. — Что было выпито? И пригмокнул губами и нервно забрал воздух носом.

— Мальчонка, по всей вероятности, принял на редостях пиесты пятьдесят «Москвовей» сполникого разлива, добавив затем шампанского полусладкого.

— Все дружно вздрогнули.

— Надо бы внаборот! — тихо сказал кто-то из молодых сотрудников. — После шампанского снимоу развизит.

— Почему? — спросила дама. — Потому что полусладкое, объяснил я.

— А после сухого не так? — недоверчиво спросил редактор. — После сухого еще хуже, — объяснил я редактору.

— Может быть, шампанское? — сказала дама, позулам.

— Шампанское, конечно, сыграло снимо отрицательную роль, — согласился я. — Но ИЖИ, мне думается, здесь тоже сильно замешан.

— Неужели? — удивилась дама. — Я знаю, мальчик иногда прикладывает к лобиклу, но чтобы и ИЖКУ... первый раз слышу!

— ИЖИ сам виноват, что он к нему ни разу не привоинисил! — объяснил я. — Красного уголка, небось, при нем не имеешь?

— Не имеешь! — воскликнула дама. — А уж настольных игр, небось, тем более нету?

— Нету! — не полая я. — Лекция тоже нет?

— И лекция нет! — кинула дама. — А домуураж, небось, ест? — догадался я.

— Есть. — Ну, вот вам и еще один виноватый! — сказал я и слегка поклонился.

— Кто же в этом виноват? — поспышались голоса.

Все одобрително зашумунались.

— Выходит, ИЖИ к домууражам об виноватый! — догадалась дама. — Виноватый! — подтвердил я.

— А обществность и делом не виноватый? — спросил на всякий случай редактор.

И выдержав пятнадцатиминутую паузу и решительно объяснил:

— Обществность не виноватый! Все облетчено вадухозину.

— В смысле виновности шлола сильно оминшана, — объяснил я через некоторые время. — Можно даже сказать, виноватый Диронция школы — в особенности. Хотя у насногого рундоства тоже рьяльце в пушку.

— Понятно! — сказала редактор, сделав четкую в сторону.

— Если кто и тому же и родитель, то виновность его не вызывает во мне сомнений.

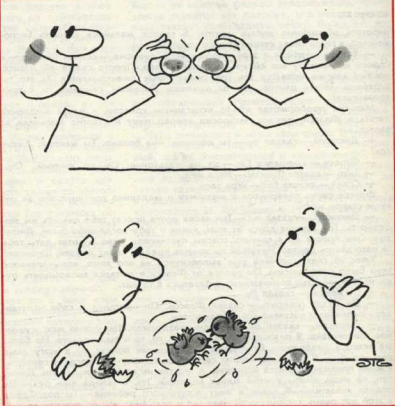
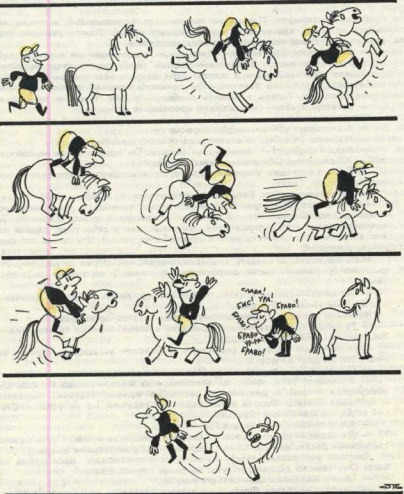
— А я виноватый? — воскликнула дама. — Виноватый! — скорбно ответил я. — Тут очень много виноватый. Почти что все.

— И работницы печати тоже? — с надеждой спросил кто-то из сотрудников.

— И работницы! — согласился я. — А сам-то он виноватый?

— Нет! — не полая я. — Ну, вот... — стали объяснять мне наши сотрудники. — Который, заняв полусладким.

И нахмурился. Мне это явно досаждало. Знаете что, братья, только давайте без перегибов! — строго сказал я. — Вам что, мало виновных?

Рисунки О. ТЕСЛЕРА

Первая — четвертая страницы обложки: фото Виктора САЙКА.

Главный редактор В. И. САМОХИН.

Редакция: К. К. Андреев, В. Н. Ганячев, А. Д. Голубев (заместитель главного редактора), Е. А. Доматовской, К. Н. Замосиной, Р. Ф. Казакова, А. П. Кулешова, А. С. Лаврова, А. А. Лихачова (ответственный секретарь), Е. И. Рабчинский, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков (главный художник).

НАШ АДРЕС: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.

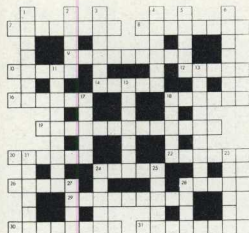
ТЕЛЕФОНЫ РЕДАКЦИИ:

Для справок: Д 3-30-87; отделе: литературы и искусства — Д 1-52-84; обертка и публикации — Д 1-03-51; международной связи — Д 3-31-50; физкультуры и спорта — Д 3-31-50; писем — Д 3-30-47; науки и техники — Д 3-31-04; фотографии и рисунки — Д 3-30-97; информация — Д 3-31-03; оформления — Д 0-29-38.

Художник-оформитель О. Теслер
Технический редактор Н. Вудина

А 00270. Подписано и печати 21Х1 1967 г. Формат бум. 70 x 108/16. Усл. печ. л. 5,6. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1 100 000. Изд. № 2168. Зап. № 3162

Орден Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правда», 24.

КРОССВОРД

Составил **А. НЕВАРА**,
г. Добельцево, Донецкой обл.

По горизонтали:

7. Народный художник СССР. 8. Профессиональный революционер, соратник В. И. Ленина. 9. Порт в Нидерландах. 10. Венгерский писатель. 12. Южное декоративное растение. 14. Народный артист СССР, режиссер. 16. Поселок, в районе которого жил Ленин летом 1917 года. 18. Перегруппировка войск для выполнения боевой задачи. 19. Высшее учебное заведение. 20. Город в Суэской области. 22. Столица автономной советской республики. 24. Синонимичность фронта, расположения войск. 28. Чемпион СССР по шахматам. 28. Резина, рыбью спортивную во время бега. 29. Северное побережье. 30. Годы туземца и жавонок лесов. 31. Герой фильма «Депутат Балтин».

По вертикали:

1. Стихотворение М. Светлова. 2. Газета, созданная Лениным. 3. Автор «Песни о танкине». 4. Металлург, академик, лауреат Ленинской премии. 5. Южное плодородное дерево. 6. Художник, лауреат Ленинской премии. 11. Советский дипломат, действительный международно-югославский делегат. 13. Город в Эстонии. 15. Элемент конструкции крыла, оперения самолета. 17. Самая яркая из малых планет-астероидов. 18. Икорное население Новой Зеландии. 21. Опера В. Мурадели. 23. Валетмейстер, народный артист СССР. 24. Герой гражданской войны, командарм. 25. Национальный герой Греции. 27. Персонаж поэмы Е. Прудиной «Руслан и Людмила». 28. Город на юге Индии.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД НАПЕЧАТАННЫ В № 22.

По горизонтали:

1. «Хорошо». 4. Эпопея. 9. Синейрос. 10. Смольный. 12. «Коммунист». 13. Улицы. 14. Кест. 17. Верг. 19. Ассинок. 20. Кир. 21. Яровка. 22. Вадый. 26. Руба. 27. Поползни. 28. «Блода». 31. Фелла. 32. Кичра. 33. Педидица. 36. Глоадина. 37. Геодина. 38. Гайдар. 39. «Гоним».

По вертикали:

2. Раисий. 3. «Шорма». 5. «Помни». 6. Палатка. 7. Николаев. 8. Рыльский. 11. Дундик. 13. Давид. 16. Тюнин. 18. Гурка. 20. Орландо. 23. «Мужество». 24. Гамбит. 25. Корчанин. 29. Вавадий. 30. Эвводий. 34. Пинша. 35. Цвейг.

СКОЛЬКО ВИДАНО

Слова Игоря ШАФЕРАНА
Музыка Яна ФРЕНКЕЛЯ

Мы обветрены,
Мы просолены,
Нам шторма нипочем.
После плавания
В тихой гавани
Вспомнить будет о чем.

Эй, сколько видано,
Эй, перевидало,
Сколько видано-перевидано —
Вспомнить будет о чем.

Эй, сколько видано,
Эй, перевидало,
После плавания
В тихой гавани
Вспомнить будет о чем.

Волны бесстыя,
И по месяцу
Не увидишь земли.
Хоть на палубу
Небо падает —
Все плывут корабли.

Эй, сколько видано,
Эй, перевидало,
Хоть на палубу
Небо падает —
Все плывут корабли.

И в Италии
И в Бразилии
Побывали с тобой.
Солнца вроде бы
Изобилие,
Только таяет домой.

Эй, сколько видано,
Эй, перевидало,
Солнца вроде бы
Изобилие,
Только таяет домой.

Не туристы мы,
Но на пристани
Мы подолгу стоим.
Воздух родины —
Он особенный,
Не надыхнешься им.

Эй, сколько видано,
Эй, перевидало,
Сколько видано-перевидано —
Не надыхнешься им.

Эй, сколько видано,
Эй, перевидало,
Воздух родины —
Он особенный,
Не надыхнешься им.

Жилы и мускулы — молитва
верней.

Нам ли вымалывать милостей
времени!

Мы —
каждый —
держим в своей пятерне
миров приводные ремни!

Владимир Маяковский

Цена номера 20 коп.

Индекс 70820